

серия: «Заглянуть за грань...»

книга первая

Судьбе вопреки

часть первая

«Неудобная
мишень...»

Москаленко Юрий Николаевич

2017

Юрий Николаевич Москаленко
Судьбе вопреки. Часть первая.
«Неудобная мишень...»
Серия «Заглянуть за грань», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25445047

Аннотация

Ушедших дней не вернуть. Не повернуть реку времени вспять и воспоминания о детстве и молодости греют душу по ночам. Ты вырван из жизни прошлого включая семью детей, внуков, друзей. У тебя нет права на них, на своё прошлое...

Тебя пощадили. И ты всё ещё жив, пускай под другим именем, и белой частью листов в твоей памяти прикрыта тайна государства, часть твоей биографии, которой уже не первый год никто не интересуется. С тебя сняли жёсткий контроль спецслужбы, но всё равно ты ещё у них под колпаком.

У тебя своя, новая жизнь. Пенсия не по возрасту, а выслуге лет. Ты вырвался за границы гарнизона, к которому был прикован жёсткими требованиями службы безопасности. Безопасности... это плата за жизнь, которой уже могло и не быть. Не ты выбирал – за тебя выбирали.

И снова свобода, пускай и относительная. Желание уединиться, успокоения не принесло...

Случайный шаг в сторону, во время гигиенических процедур, поехавшая, на скользком после дождя грунте, нога... судорожная попытка обрести опору, пускай и на четвереньках... и ржавое, забитое грязью колечко, что юрко скакнуло тебе на палец.

Оцарапанная ладонь, боль во всём теле и неуверенный шаг по инерции, стоящий тебе рухнувшего мира иллюзии спокойствия твоей собственной жизни...

Новый мир... и личный билет обратно, в виде железного колечка, забравшегося тебе под кожу, ржавчину которого разъела твоя кровь...

Содержание

От автора	5
Вместо пролога	8
Глава первая	11
Глава вторая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Юрий Москаленко

Судьбе вопреки.

Часть первая.

«Неудобная мишень...»

От автора

Не люблю ни политику, ни политиков, хотя иногда интересно следить за тем, что вытворяют эти уроды. После всего, что совершили с моей страной, Советским Союзом, не верю никому и ни в чьи обещания. Не пишу про СССР, хотя и считаю, что у меня детство было счастливое и, хотя не было тогда у нас компьютеров, интернета и айфонов, но жили мы намного счастливее теперешних детей.

История неблагоприятная штука. Её пишет тот, кто у власти. В угоду политическим дивидендам её переписывают, свержая бывших на олимпе в грязь. Не хочу к этому иметь отношение – противно. Потому и не берусь ворошить пласты истории и очередной раз переворачивать события, как я их сам понимаю.

Не буду.

Да! В этой книге я цепляю нынешнее время, в котором

живу. Устами главного героя, высказываю моё личное мнение на события, произошедшие ранее со мной или свидетелями которых я был лично. И очень часто моя правда будет идти вразрез с правдой официальной, что так часто совсем недавно освещала СМИ. В этой книге и Советского Союза не будет, хотя есть в планах уделить внимание в другой книге немного тому времени, но, очень вскользь, и уж точно не буду, как многие авторы, его спасать.

Его приговорили, он был обречён. Люди его сами предали, молча получая в партийных организациях свои учётные документы. Помню этот момент, заставивший меня в Закавказском военном округе. Главный гарант партии её сдал, КГБ прогнило, а ведь именно оно должно было уничтожить внутреннюю контрреволюцию. Подонки!!!

Да и нынешняя плеяда контрразведчиков недалеко ушла от своих предшественников. Если её структура сейчас представляет из себя сборище бывших стукачей, которыми все они поголовно были ещё со времён военных училищ, или других образовательных учреждений. Устройство клановое и посторонние люди в её структуре, не люди системы, в ней прижиться никак не могут. Но, надеюсь, в отличие от бывших ублюдских КГБшников, сливших СССР, нынешняя плеяда плаща и кинжала не продаст Вована за печенюшку, а мы не переживём очередной виток истории со сменой власти, во времена перемен...

Буду честно писать, что нравится в нашем мире, что

нет, но это моё личное мнение и никому его я навязывать не собираюсь. Считаете по-другому? Да, за ради, господа бога! Никого не хочу ничем обидеть, хотя, наверное, всё равно придётся, в процессе повествования.

Немного зацеплю Чеченскую первую компанию, Закавказье и вообще армию. Достанется и структурам карательной направленности. Постараюсь не трогать зону, честно скажу, не тема для написания книг, а вся эта мусть про воров у нас на книжных прилавках – это эпосы тех, кто никогда за решёткой не был, за редчайшим исключением. Сам был, но это не то, чем бы мне хотелось хвастаться – выброшенные из жизни годы...

Не будем трогать сидельцев, им честно, не позавидуешь.

Здоровья вам там, каторжане!

По сему, прошу не судить строго, кто ещё тут, что же, для тех и начнём...

«Книга в стиле фэнтези – реалити – онлайн. Присутствуют реальные мемуары участников боевых действий в Чечне в первую чеченскую. Все фамилии подлинны.»

Вместо пролога

РЕН ТВ:

– ... Целью террористических атак стали несколько городов по всему миру. Из турецкого аэропорта «Анат-дел», где свила себе гнездо террористическая ячейка, вчера, заряженные мощными взрывными устройствами, вылетели практически одновременно с промежутками по времени в несколько минут, семь самолётов с пассажирами не борту. Спасло мир, лишь желание террористов наказать правительство стран, наиболее яростно борющихся с ИГИЛ, что дало запас во времени. Самолётам нужно было преодолеть разное расстояние до аэропортов назначения. По счастливому стечению обстоятельств, первым из этих самолётов-камикадзе отправлялся борт в Россию. Установлено, что всего было семь самолётов самоубийц, посланных в такие страны как США, Россия, Англия, Франция, Канада и Иран. В Соединённые Штаты Америки вылетело два таких самолёта. Удивляет, с какой лёгкостью ИГИЛовцам удалось пронести на борт самолёта, в качестве багажа, взрывные устройства и оружие, несмотря на все, предпринятые, меры безопасности в аэропортах. Из источников министерства обороны Великобритании стало извест-

но, что возможно, одно из устройств представляло собой попытку изготовления грязной ядерной бомбы малой мощности, но становится страшно от одной мысли, какие бы последствия ждали населённые пункты с населением в несколько миллионов человек, когда над ними произошёл бы подобный подрыв. По оперативной информации о готовящемся теракте, на борт самолёта, взявшим курс в Москву, была оперативно переброшена группа спецназа ФСБ под руководством полковника Федеральной Службы Безопасности России Чистосердова и введена на борт в качестве пассажиров. После взлёта, когда террористами была предпринята попытка захвата самолёта, усилиями группы полковника, выявленные террористы были ликвидированы. Никто из пассажиров и членов экипажа не пострадал. Борт экстренно совершил посадку в ближайшем аэропорту, вернее военном аэродроме под Моздоком. Обезвредить взрывное устройство не получилось. Согласно таймеру, установленному на бомбе, времени оставалось не так уж и много. Командованием антитеррористического центра было принято решение затопить борт, как можно дальше от берегов России, в Чёрном море. На выполнение этой операции согласились штатные пилоты в составе группы специального назначения, экипированные, в том числе, и штатными парашютными системами. В семнадцать часов сорок четыре минуты по местному времени, в рай-

оне города Сочи, в акватории Чёрного моря на удалении, трёхсот километров от берега, был зафиксирован взрыв малого ядерного заряда эквивалентом в двадцать кило-тонн. Жертв и разрушений нет. Волна от взрыва ожидается в районе Адлера через двенадцать часов. Все службы подняты по тревоге. Мониторинг службой РХБЗ Черноморского Флота России ведётся в круглосуточном режиме. Это все новости к этому часу. Оставайтесь с нами. Мы следим за развитием событий. Не переключайтесь... оставайтесь с нами на нашем канале...

Глава первая

Вечером, не спеша, поднимаюсь на пятый этаж. В руках пакеты из «Пятёрочки». Двести граммов творога, пачка однопроцентного кефира и полкило гречки. И вся добыча.

Уссурийск – это не тот город, где летом и зимой дышится легко. Как-то слышал, что типа, он входит в десятку самых загрязнённых городов России. Но враки, наверное. Хороший город, да и почище в нём стало, за последние пять лет.

Пять лет...

Вот вспомнил, что забыл в магазине порошок стиральный купить.

«Да и ладно, подумаешь, устрою стирку не сегодня, а завтра, например. Надоело уже, словно по расписанию, жить!» – подумал я.

Взойдя на лестничную площадку, начал судорожно рыться по карманам, в надежде быстрее найти ключи.

Двушка, доставшаяся мне после, даже не знаю, как сказать. Развода-то как такового-то и не было. Выдали с барского плеча. После пребывания в зоне, пустые маленькие комнаты квартиры показались царскими хоромами. Квартира находилась на последнем этаже панельного дома, остро нуждающегося, как и моя жизнь, в капремонте. Восхождение к небесам пятого этажа казалось бесконечным. Я хотел есть, но ещё больше, я хотел в туалет.

Притопывая и сжимая причинное место, я спешно открыл дверь, бросил у дверей пакеты и ринулся в совмещённый санузел.

А и правду говорят, что для счастья много не надо. Мощная струя мужчины, не знакомого с простатитом, разлетелась брызгами по стенкам унитаза.

Сейчас бы жена сразу набросилась: «Сергей, ну сколько можно в обуви по квартире ходить, ну сколько раз тебя просить, ведь тапочки есть?!», и бу-бу-бу, ду-ду-ду!

Я довольно улыбнулся – есть плюсы в холостяцкой жизни!

Я сполоснул унитаз. Сливной бачок сработал со звуком взлетающего самолёта. Вымыл руки в раковине и прошёл в коридор, прикрыть двери и наконец-то разуться.

А теперь можно и кухню посетить.

Ну-с, что у нас здесь имеется?

Мозг просканировал скудное содержимое холодильника, задержался на бутылке пива и выдал команду руке. Секунда – и рука ловко, с прокруткой, вскрыла негодницу. Ячменный напиток влился в желудок и погасил голодные спазмы. Тёплая волна прокатилась по телу, и оно с удовольствием выдохнуло отрыжкой напряжение очередного прожитого дня.

Наступило приятное расслабление. Ласково подкатилась лень.

Продолжая осмотр холодильника, я попутно подчищал его недра: остаток копчёной колбасы, завалявшийся ломтик скумбрии холодного копчения и глазированный сырок пла-

но вошли в меня, как в удава. Засохший кусок сыра был недоверчиво обнюхан, опробован на зуб, и со словами «Будем считать, что ты пармезан», отправлен вслед за сырком.

В дальнем углу полки сиротливо корчился огурец и мутно белел целлофановый пакет со склизким куском докторской колбасы.

«Ничего, помою, пожарю с яйцами – нормально будет».

Скоро пенсия на карточку упадёт. Вот тогда погуляю, трогать невеликие сбережения на счету ВТБ не стоит, переморщусь, а пока...

Да, холостяцкий ужин – это, конечно, не домашние котлетки жены, хотя я и сам не промах и в состоянии себя ими побаловать, но откровенно лень.

Ну ничего, свои плюсы в такой жизни тоже имеются!

Я выложил продукты на стол, включил, наконец, свет и обнаружил себя в верхней одежде. Прodelав короткий путь до прихожей, разделся и, довольно потирая руки в предвкушении ужина, вернулся на кухню.

Через полчаса грязная посуда аккуратно горкой лежала в раковине, а я, прихватив с собой бутылочку пива, переместился в диванную – так я называл свою комнату, главной достопримечательностью которой являлся, как несложно догадаться, диван.

Диван был новый, широкий, практичного коричневого цвета. Слева от него располагалась, заменяя прикроватную тумбочку, табуретка. Перед ним стояла ещё одна табурет-

ка – многофункциональная, так как служила журнальным столиком, пуфиком и компьютерным столом одновременно. Напротив, дивана висел большой телевизор – «приданное», которое я себе купил сам. Возле окна притулился платяной шкафчик. Время от времени он неожиданно распахивал дверцы и исторгал часть впихнутого содержимого. С потолка на чёрном кривом шнуре свисала лампочка жёлтого цвета – в тёмные вечера она освещала комнату тёплым светом ушедшего лета.

Лето!

Летом пять лет назад я ещё был женат. Двадцать три года семейной жизни... Это срок.

Я удобно устроился на диване, блаженно водрузил ноги на табуретку, включил телевизор и довольно улыбнулся: как же здорово нажать на кнопку пульта и – на тебе, Серый, смотри сразу свой любимый спортивный канал!

Кто там сегодня играет? Голландия – Дания?

Зазвонил мобильный.

«Блин! – огорчился я. – Забыл телефон на кухне!»

Ха, нечего расстраиваться! Прелесть моей квартиры в том, что все рядом. Пять шагов – и ты на кухне. Три шага – в туалете. Ещё шаг – и ванна к твоим услугам. Чудо, а не квартира – все под рукой! Ещё пару шагов и спальня...

Звонил новый знакомый, сосед по гаражу.

«Наверное, снова деньги нужны», – раздражённо подумал я.

Но оказалось, он звонил не просить денег. Оказалось, что он вообще ошибся номером! Между прочим, мог бы и со- врать. Мог бы просто произнести набор дебильных фраз из американских фильмов, типа: «Привет! Ты в порядке? Уверен? Ладно!»

Смех, а не вопросы у этих американцев! Может, они зада- ют такие формальные вопросы потому, что не умеют испы- тывать нормальных чувств? Иначе какого хрена разговари- вать шаблонами и спрашивать у чувака, пять раз упавшего с небоскрёба:

– «Ты в порядке?»

А он такой, соскребанный с асфальта, открывает заплыв- ший глаз и с трудом выдавливает из себя:

– «Да, я в порядке».

– «Уверен?»

– «Уверен!» – отвечает чувак и умирает.

И все вокруг недоуменно так:

– «Мы его потеряли...»

Или это перевод такой дебильный? Или это мир такой стал, что никому друг до друга дела нет, живут все без эм- патии, мать их?!

Сосед один живёт. С женой развелись ещё пару лет назад. Сын вырос. Нечасто, но навещает.

Жалуется соседка, что по душам поговорить толком не получается с потомком...

Куда все девается?

– «Сын, я ж тебя на велике учил кататься! – причитает Пётр – Я ж тебе твою отчаянную башку зашивал, когда ты решил съехать с лыжной трассы и кубарем летел с горы в Арсеньеве, пока не уткнулся в сосну и не стряхнул с неё стаю птиц! Я даже уроки с тобой делал! А ты мне сегодня: «Ой, привет, пап! Это я не тебе звоню, это я номером ошибся!» – и короткие гудки.

Плачет...

Я расстроено вздохнул и повертел в руках телефон, раздумывая, кому бы позвонить. Я перебрал в уме короткий список новых знакомых и понял, что никому не хочется звонить.

Может, зайти на сайт знакомств? Полгода назад зарегистрировался там, а месяц назад вступил в переписку с девушкой двадцати восьми лет и все не мог решиться на встречу с ней. Что ей надо от меня, сорокасемилетнего мужчины, я понимал: рестораны, подарки, красивые слова, цветы в обмен на её гибкое, резиновое тело. А вот надо ли мне это сейчас, я не знал. Нет, не денег жалко! Жалко чего-то другого, чего-то такого, что течёт ещё в душе горным ручейком, и хочется сблечь его, не загадать. В общем, сайт знакомств тоже отпал. Не то настроение.

Странно все-таки получается! Был женат – погуливал. А сейчас – холостяк и, казалось бы, гуляй, Серёга! А Серёге чего-то и не хочется.

Может, а не хочет. Депрессия, что ли?

Отбросил телефон на край дивана и потянулся за бутылкой пива. Тапка соскользнула с ноги и шлёпнулась на пол. С сожалением посмотрел на неё и вспомнил любимого пса – старого лабрадора Фила, который остался с женой. «Сейчас бы Фил подал мне тапку», – подумал я и загрустил. Представил, как Фил нехотя бредёт к тапке, поднимает и кладёт её на диван рядом с со мной, а потом, виляя хвостом и преданно заглядывая в глаза, пристраивает свою умную лобастую голову мне на колени и ждёт, когда я благодарно потреплю его, говоря:

«Молодец, спасибо, дружище!»

Я очень скучал по Филу, но поселить его в тесной комнатёнке и оставлять в одиночестве на весь день, было плохо для пса. Да и не в этом была проблема. Я умер для Фила. Для всех умер, или и вовсе никогда не существовал. Фил доживал свой век в просторах трёхкомнатной квартиры. Хотя я сейчас и не уверен, не знаю, как и где живёт моя бывшая...

– Го-о-о-о-о-л!!! – долгий ликующий крик комментатора вырвал из раздумий.

«Что ж они так истошно орут?!» – с неожиданным раздражением подумал я о победном крике болельщиков, слившемся с захлёбывающейся речью комментатора, и поймал себя на слове «истошно». Это слово моей бывшей жены. Она всегда просила: «Серж, да сделай ты телевизор тише! Нет сил уже слушать эти истошные вопли!»

Я выключил громкость: теперь скандинавы бегали и ли-

ковали, как в немом кино.

Странно: вот сижу и смотрю матч в полной тишине, а мог бы врубить звук на полную громкость, как делал это обычно. Но не хочется.

Случайный звонок соседа, и его плач насчёт сына, растревожил душу.

Юрка вырос у него и уже несколько лет, как жил отдельно. Они остались с женой вдвоём и вдруг поняли, что говорить им не о чем, а присутствие друг друга только раздражает. Пётр устал от постоянного брюзжания и недовольства жены. Жена устала от Петра. Однажды они сцепились по какому-то пустяку. Конечно, виноват был он. Конечно, он опять сделал что-то не так, или вообще забыл сделать. Пётр не помнил, из-за чего они поругались в тот вечер, но из искры разгорелось пламя.

Со слов соседа Марина метала молнии, глаза были злыми, слова обидными, и Пётр подумал: «Зачем я живу с женщиной, которая ненавидит меня?» Он захотел сделать ей больно в ответ и предложил: «Может разведёмся, раз всё так плохо?» Жена замерла, замолкла на полуслове, как будто на неё ушат воды вылили или под дых дали. Пётр сам не ожидал такой реакции. Она хлопала глазами, ошарашено смотрела на него, а он мстительно думал: «Ну что, дорогая, ничья? 1:1? Думаешь, ты меня не достала своим вечным недовольством и брюзжанием?»

Мы часто по вечерам в гараже под селёдочку и полтишок

хорошей водочки говорили за жизнь. Я всегда молчал. Не о чем мне рассказывать. Нет меня в этом мире. А Петро и во все думал, что я из молчи-молчи, тем более ко мне, и правда, часто наведывались подозрительные субъекты на чёрных машинах с интересными номерами. Вот и делился он, о наблевшем.

За все прожитые годы они ни разу с женой не говорили о разводе, потому-то его предложение и произвело эффект разорвавшейся бомбы. Но Маринка быстро пришла в себя и нанесла ответный удар: «Хорошая мысль, Петя. Давай разведёмся и сбережём друг другу нервы».

А ещё говорят, что женщины за семью мёртвой хваткой держатся. Его жена – исключение. С этого вечера началось настоящее отчуждение.

Иногда он жалел о сказанном. Все-таки столько лет прожито вместе, все привычное, родное. А развод – это же столько сложностей! И так не хочется всё менять! Несколько раз он предлагал Марине не разводиться, но в ответ видел её подчёркнуто отстранённое и враждебное лицо. Каким-то шестым чувством он вдруг понял, что жена знала о его любовных похождениях. Знала, молчала и не прощала. И не простит никогда. Так и будет жить с обидой, презрением и раздражением. Так и будет тюкать его каждый день. А что это за жизнь? Чем дальше, тем хуже будет. С годами отношения не улучшаются. И Пётр решил развестись.

Он представлял, как заживёт один. Хорошо заживёт! Нор-

мально. Не пропадёт.

Они развелись, чем ввели в ступор всех родственников и знакомых. И только давний приятель спросил его, шутливо похлопывая по плечу:

– «Что, Петруха, узнала-таки Маринка про твои амурные дела?»

Узнала... А, кстати, почему он единственный, кто спросил об этом?

Пётр продал, доставшуюся ему по наследству от бездетной тётушки, комнату в коммуналке, добавил деньги и купил однушку на последнем этаже, в соседнем с моим, доме и даже на гараж хватило...

Карлсон, блин!

И вот теперь он и сидит, наверное, как я с бутылкой пива на диване, смотрит футбол, и стонет, что никому в этой жизни он не нужен, хотя уже и никто ему не мешает делать то, что он хочет.

Совсем, как я! Только у меня совсем другая история...

Свобода, а что с ней делать? Чё-то, как-то, ничё особенного-то и не хочется. Ни мне, ни ему. Может, за двадцать три года он приручился и стал хоть и плохо дрессированным, но домашним котом?

Но я уж точно не кот, а если и кот, то дикий...

Я вновь взял телефон. Повертел его в руках.

Когда-то в таком же Самсунге, здесь, в такой же маленькой коробочке, хранилась память о моей семейной жизни.

Хотелось зайти в приложение «Фотографии» и пересмотреть все, что было снято за три года, прошедших с момента покупки смартфона. Но это только иллюзии. Конфисковали телефон вместе с хранящимися в его памяти файлами счастья – это теперь я понимаю, что именно счастья.

Вот и Петруха страдает.

Ни сыну, ни жене он больше не нужен. Его семья – фантом.

И тоже, как и я, ни сыну, ни дочери, ни бывшей не нужен... – только мою роль мужа в моей бывшей семье играет совсем другой человек.

«Хоть бы кто-нибудь позвонил!» – мысленно подумал я в тишине, глядя на телефон.

И телефон зазвонил, высветив на экране ненавистную надпись – куратор...

Не ответить я не могу. В квартире и прослушка и, наверняка, и припрятанные камеры есть. Всё есть, чтобы максимально качественно портить мне жизнь.

– Слушаю... – тяжело выдохнув, прошептал я в трубку.

– Моё почтение, Сергей Евгеньевич...

Я напрягся.

Вообще-то я уже пять лет как Николаевич, а тут... меня называют моим СТАРЫМ отчеством. Да ещё кто?!

– Чем обязан, Василий Иванович? – нервно играя кадыком, поинтересовался я.

Он такой же Василий Иванович, как я Шумахер. А ведь

по документам, и правда, полковник Василий Иванович Чапаев. И усы ради прикола такие же отпустил. Чтобы быть похожим на прославленного комдива.

– Надо встретиться. Как у вас со временем, Сергей Евгеньевич?

Куратор по какой-то причине продолжал меня величать по-старому, так, как когда-то нарекли меня родители.

– Можно и у меня, а со временем, да как вам угодно будет. Я совершенно свободен, вот уже третий год. – осторожно предложил я.

Шпилька в сторону ФСБшников. Всё-таки два года зоны не за что – это довод...

Но мою шпильку, словно не заметив, куратор пропустил мимо ушей.

– У вас?! – минутная заминка. – Хорошо! Сейчас только записывающую аппаратуру отключу. Она вам больше уже не понадобится.

А вот тут у меня всё опустилось. Я реально испугался за свою жизнь.

«Неужели приняли решение меня ликвидировать?» – Металась мысль у меня в воспалённом от страха, мозгу...

– Буду через час, ждите!

И потом гудки...

Есть час попытаться куда-нибудь убежать. Хотя, смысл? Ну, буду потным трупом, и всё. Ведь явно загон устроят, а так хоть оттянусь напоследок. Магазин есть неподалёку.

Прикуплю пельменей. Коньяка пару фуфырей, возьму нерки баночку в виде пресервов. Неплохо камчадалы научились её делать, правда, по стоимости – мама не горюй!

Сейчас пельменей отварю, часть обжарю. К коньячку ещё Колы прикуплю. Знаю, что нельзя мне. Знаю, что вредно, но теперь-то уж чего бояться? Я уже всё равно приговорён.

Лимончик не забыть, и колбаски копчёной, сухой. Дорого и расточительно, но чего эту пенсию теперь беречь?! Понятно, что сегодняшней вечер мне не пережить...

Шёл в магазин и думал... и кому я там, на небесах дорожку перешёл, или на любимый мозоль наступил, что мне, вот уже столько лет, не дают спокойно пожить? Ладно, военным стал по глупости и по убеждениям. Но тогда Советский Союз ещё был. Потом повезло, в Германии послужить успел, но затем... девяносто четвёртый и привет, Великая Ичкерия!!!

* * *

*Тяжела и неказиста жизнь военного
связиста*

Для меня чеченская война началась 1 декабря 1994 г. На стационарном узле связи начался прием телеграмм из штаба СКВО. Смысл полученных распоряжений – обеспечить выгрузку частей 8 корпуса (8АК, г. Волгоград) на станции Кизляр. Мне было предписано обеспечить связь до развер-

тывания УС 8АК. От нашей роты 2 декабря пошли Р-161, Р-440, Н-18-3, Р-142 и п-256. Я не поехал, остался в ППД. Через 5 дней они вернулись, загнали машины в боксы. На утро выгнали технику для обслуживания. И тут пошли новые телеграммы. Замкомбрига, прочитав текст прямо на рулоне бумаги, (уже были новые тлг аппараты) слегка сбледнул с лица. Единственной фразой, которую от него услышали «Это предварительные боевые распоряжения». Вместо обслуживания техники её заправили и начали формировать новую колонну. В неё вошли все прежние машины плюс Р-145БМ и Р-409. 9 декабря колонна под моим командованием вышла в Кизляр. Оказалось, что части связи 8АК не могут обеспечить связь и приказали через округ сделать это нам. В рейс выехали л-т Долгополов на Р-145БМ (не доехал, БТР сломался и вернулся в ППД), л-т Калашин, л-т Пулитов и пр-к Заманов на Р-440. По прибытии в Кизляр мы развернулись, дали связь, закрыли каналы и стали на дежурство. Идиллия для меня длилась ровно до 10 декабря. Меня вызвал начальник связи (НС) 8АК п-к Никифоров Виктор Васильевич. Мы с ним были знакомы с 1990 года, когда из Германии ездили на стрельбы ракетной бригады в Кап. Яр, он был в составе посредников, а я обеспечивал связь штабу руководства. Жил он тогда в моей Р-142. Ну и по результатам учений видел, на что я способен. Когда я прибыл, он задал вопрос «Ты Р-142 знаешь?». Я честно ответил, что в принципе знаю, и могу устранить простейшие неисправно-

сти, но если дело касается ремонта в полевых условиях – я вряд ли что-то смогу сделать. Далее он мне объяснил, чего от меня хотят.

– Впереди 8АК идет 63 полк ВВ (ангарский), для связи взаимодействия была отправлена Р-142 с экипажем (начальник Р-142 – сержант, радист и водитель). Станцию развернули, запитали-связи нет. Съезди туда, обеспечь связь взаимодействия по КВ или УКВ радиосвязи. Желательно в закрытом режиме.

Меня посадили в УАЗ-козлик и мы двинулись вглубь степи. Ехали часа полтора-два, расстояние было около 100 км. Я

приехал, представился командованию – заместителю командующего СКО ВВ генерал-майору Лобунец Михаилу Ивановичу и полковнику из Главкомата ВВ Гливка Ивану Михайловичу. С нами был п/п-к из оперотдела 8АК, не помню, как звали. Жили Лобунец и Гливка в заднем отсеке аппаратной, я заночевал в переднем. Связь я

установил практически сразу в КВ диапазоне, а вот когда дошло дело до закрытия канала аппаратурой ЗАС, оказалось, что ключевые документы несовпадают. У ВВ – свои блокноты КД, у

МО – свои блокноты КД. Связь была только в открытом режиме. Я спросил по рации у своих – уточните у НС, что мне делать? Ответ: находиться там и ждать. Я спросил у Лобунца:

– Товарищ генерал, а мне что делать? Связь есть, мне пора обратно к своим толстолобикам.

– Теперь ты отсюда уже никуда не поедешь, мы решили вопрос с Рохлиным о твоём откомандировании к нам для обеспечения связи. А то ты уедешь – а связь опять пропадет. Кто нам её будет обеспечивать? Кроме тебя – никому!

Ночь прошла спокойно, за исключением отопления кунга. Если тебя спросить, что надо сделать, чтобы запустить отопитель ОВ-65, и скажешь «включить свечу накала, через 1 минуту включить двигатель отопителя на половину мощности, через 30 секунд отпустить свечу» – то ты будешь абсолютно прав в целом, и абсолютно неправ в частности. Свеча отопителя не работала, и чтобы запустить отопитель, я звонил в палатку бойцам, они прибежали, поджигали солярку в отопителе, и только потом я включал двигатель. Эта процедура повторялась вплоть до 29 декабря 1994 г, 30 декабря я уехал на этой машине в Толстой-Юрт, где стоял штаб 8АК.

Итак, 11 декабря 1994 г. мы получили сухпай и команду быть в готовности к обеспечению связи в движении. Ночью команда «Подъём», стали в колонну и поехали. На вопрос по рации что делать, мне сказали – ехать с ними и держать связь.

В этот день власть приняла постановление о введении чрезвычайного положения в Чечне.

Весь день 12 декабря прошел в дороге. К вечеру мы ста-

ли лагерем между Червленной и Новониколаевской. Бойцы ВВ без напоминания начали рыть окопы и оборудовать позиции. Пришли Лобунец и Гливка, которые ходили на переговоры к местным. На мой вопрос «как дела?» я услышал от Гливки И.М.:

– Эти местные джигиты совсем одурели! Мы сказали, что в населенные пункты заходить не будем, переночуем и двинем дальше. Так они заявили, что мы должны полностью разоружиться, сдать им оружие и тогда нас выпустят с территории Чечни без боя.

Сказать, что я ох...л – это ничего не сказать! Полк ВВ – это около 600 человек с оружием и техникой типа БТР. Этих джигитов набиралось около сотни в лучшем случае. Стало понятно, что боя не избежать. Наши на скорую руку соорудили минные поля на двух опасных направлениях, оператор из корпуса снимал прямоугольные координаты разведанных целей и передавал их 8АК, который был в 20 км сзади, я сидел на связи. Лобунец и Гливка вышли в открытом режиме на Рохлина (командир 8АК) с просьбой поддержать артиллерией. Рохлин сказал, что они еще едут. Как придут на место, даст команду на развертывание огневых позиций. Диалог выглядел примерно так: (радиосвязь открытая в КВ диапазоне)

– Лева, здесь Миша, прием!

– Миша, я слушаю, прием!

– Нам нужна твоя поддержка, прием.

– Какая поддержка? Средняя или тяжелая, прием (танки или артиллерия)

– Тяжелая, прием.

– Мы пока в пути, прием.

– А мы без тебя можем не справиться, прием.

– Ну, тогда сдавайся, прием.

– Нет, сдаваться не будем, надеемся на поддержку. Прием.

– Хорошо, как доедем, сразу разверну своих. Прием.

Мы почти успели передать все координаты, как связи просто не стало. Чечены врубили самопальную глушилку, которой хватило на то, чтобы забить мне прием и пошли в атаку. Они ждали, что русские в страхе сбегут, увидев гордых чеченцев с оружием в руках.

Ага, щ-а-а-с! Сначала чечены попали на мины, потом их угостили из пулеметов и добавили из автоматов. А мне передали команду с посыльным – вызывай огонь артиллерии. У нас был вынос на передовую, но в самый нужный момент он просто перестал работать. Я думал – кабель перебило, утром оказалось намного проще – папуасы клеммы на борту не затянули и кабель просто выпал.

Ну а я начал вызывать огонь артиллерии. «Боевыми по всем целям – огонь!» я кричал в рацию около двух часов. Артиллерия откликнулась где-то через час. Прибежал посыльный с передовой, попросил перенести огонь подальше от наших позиций. Я взял карту, снял гребаные прямоугольные

координаты и передал их в корпус. Калашин Серега потом рассказал, что они меня слышали отлично, и Рохлин приказал развернуть самоходки рядом с их

P-142, и мои бойцы полночи наслаждались канонадой на расстоянии 100 метров. Ко мне смогла пробиться только одна радиостанция – что-то типа P-161 из Моздока. Я её слышал, хоть и плоховато.

Результаты боя я узнал в пять утра, когда вернулись Лобунец и Гливка. Атаку отбили, у нас потерь нет, артиллерия сработала хорошо, а когда я перенес огонь подальше от нас, попали как раз по драпающим джигитам еще раз. А утром полсела было в трауре – хоронили своих. Так закончился мой первый бой в жизни.

* * *

Утром, точнее ближе к обеду, подошел корпус Рохлина. Подошел ко мне НС 8АК Никифоров

– Как дела?

Я честно ответил...

– Живой, только страшно было

– Главное, что живой. Остальное – фигня!

– Мне дальше что делать? Здесь работать или с вами дальше идти?

– Пока здесь, тебя заменить некем.

Из села Виноградного, которое виднелось вдалеке к Рох-

лину прибыла делегация «мирных местных жителей», впереди женщины и дети, за ними старейшины. Разговор был следующий:

– Вы разговариваете с представителями чеченской нации!

– Я такой нации, которая прикрывается женщинами и детьми – не знаю! Это – не нация, это – сволочи! ОГОНЬ!

Артиллерия в очередной раз врезала по окраине села, где было кладбище. После извлечения предков чеченцев из могил таким нетривиальным способом они попытались выразить протест. Тогда им предложили перенести огонь подальше (по самому селу). Они почему-то отказались. А на следующий день храбрые жители Виноградного загрузили все грузовики, которые смогли найти в округе и сдернули куда подальше. А то вдруг Рохлин передумает или артиллеристы с прицелом ошибутся... Не все конечно, только самые настоятельные.

Из моих подчиненных в Чечню вместе с 8АК попали:

Р-142Н: л-т Сергей Калашин, радист мл. с-т Владимир Мальшев (кличка Малой) и водитель Владимир Колесников (кличка Пух)

П-256: водитель Коля Капустян (кличка Колян)

Н-18-3: л-т Максим Пулитов, ряд. Хаикулов (кличка Кабардёнко), ряд. Сырцов и ещё один солдатик, фамилию не помню.

Остальные остались в Кизляре и потом вернулись в ППД.

Правда, с Р-440 по приказу зам. командующего СКВО г-л/л-та Тодорова сняли оба АБ-8 «Москвич» и отдали в 8АК. Как ты уже догадался, с концами. Забегая вперед, скажу, что мы им отомстили – увели у них АБ-8 «Волга» на прицепе! Но это уже далеко впереди.

А пока я остался с ВВ, сидел на связи, гонял толстолобиков. Больше всего меня поразили отношения между офицерами ВВ. Представляешь, они обращались друг к другу по имени-отчеству! Если в Красной Армии полковник-командир полка обращается к лейтенанту, то приличными выглядят только звание и предлоги, а также название и количество техники и вооружения. Все остальное – мат и его производные. А там диалог между ком. полка и ком. роты выглядел примерно так:

– Николай Иванович, ваши позиции оборудованы?

– Да, Василий Петрович, осталось траншеи окультурировать

– Хорошо, не забудьте секреты выставить, кроме обычного охранения.

– Да, Василий Петрович, сделаю обязательно.

Как это выглядит в Красной Армии, все служившие знают прекрасно. Если не знают – готов проинформировать в отдельном порядке. Далее будут встречаться перлы наших полководцев, но забегать вперед не буду.

Из всего времени, проведенного с ВВ, у меня в памяти остались только несколько моментов. Первое: в столовой

давали селедку! Второе: на минах подорвалась корова и мы три дня ели говядину. Третье: мы с оператором 8АК выжрали бутылку коньяка, и нам пришлось долго слушать стенания п-ка Гливки «Серега, как вы могли, сволочи, выжрать всю бутылку без дяди Вани?!». В 20-х числах декабря пригнали полевую баню, и мы впервые за почти три недели помылись. Генерал Лобунец много разговаривал со мной о службе, о семье, о солдатах и технике. Предложил перейти во Внутренние Войска, должность начальника связи полка во Владикавказе давал сразу (майорская должность, как и начальник связи моей бригады). Но надо было увольняться из армии, а пока я был на войне, об этом никто речи не вел вообще. За мои успехи он меня наградил нагрудным знаком Внутренних Войск «За отличие в службе» 1 степени.

Такое стояние продолжалось до 29 декабря. 30 декабря я свернул станцию и выехал в Толстов Юрт, где 8АК развернул ВПД (временный пункт дислокации) и до конца операции находились все тыловые службы 8АК.

Прибыв туда, я попал на совещание, которое проводил НС Никифоров и комбат п/п-к Соломахин. Более бестолковой постановки задач я не видел ни до, ни после этого. Мне нарежали сверить радиоданные (частоты и позывные). Остальным кому – что, а все что осталось, досталось исполнять зампотеху батальона к-ну Жукову. Даже если бы он был многоруким Шивой, он бы все равно не успел сделать все, что ему поручили. Ну и соответственно, большая

часть осталась невыполненной. Я сверил радиоданные, поужинал и лег спать. Утром Р-142, в которой я жил все это время, плотно села в канаву и заглохла. Я посмотрел по сторонам – и о чудо! Вижу свою Р-142 с Малым и Пухом!

– Пух, ко мне!

– Здравия желаю, товарищ капитан! Как хорошо, что вы нашлись!

– А я что, терялся?

– Так никто толком не знал, где вы и что с вами! А возможно мы теперь с вами будем?

– Пух, я еду в Грозный. И там будет ни хрена ни сахар – там война и идут реальные бои. Может лучше останетесь в тылу?

– Не, товарищ капитан! Уж лучше в Грозный с вами. Тут нас вообще за людей не считают. И все начальники, каждый свою задачу ставит, а потом орет «Почему не сделал?!». И все равно мы виноваты.

Оказывается, все три недели, пока я сидел у ВВ, их поставили на обеспечение связи колонн, которые ходили в Моздок. Я прикинул одну вещь к носу.

– Значит так, забираешь у КШМ, сидящей в грязи, АБ-1 с кабелем питания и поехали!

Мы сели в свою Р-142 и помчались догонять батальон связи корпуса по встречной полосе. Экипаж оставшейся

Р-142 мне чуть ли не ноги целовал, за то, что я их оставил. Начальник Р-142 и радист – близнецы, дембеля. А води-

ла только призванный, совсем сопляк. И они понимали, что попав в Грозный, их дембель отложится на очень неопределенное время, это если вообще живы останутся. Мы ехали по встречной полосе, обгоняя танки, артиллерию и пехоту на БМП. На Грозный пикировали штурмовики, отстреливая ИК-ловушки, и от них к земле тянулись дымные следы РСов и ракет.

Мы шли штурмовать Грозный...

Отступление

На момент моего отъезда в Кизляр обстановка была следующая:

Когда я ехал в бригаду в октябре 1993 г., я в округе выпросил себе назначение на должность начальника узла связи (капитан). Там еще была должность командира роты связи (капитан). Я рассказал своему другу Сан Санычу, с которым вместе учились в училище, вместе были в Германии в одном городке. Он тоже ехал в бригаду и по идее, должен был пойти на роту связи. Но пока я ехал поездом, он прилетел самолетом, и заявив, что в Германии был начальником стационарного узла, занял эту должность. Мне ничего не оставалось, как согласиться на роту. Это проклятая должность мне еще долго икалась, даже когда с нее ушел.

Итак, краткая справка по штату отдельной роты связи. По штату 6 офицеров: командир, замполит, 4 командира взвода. В наличии – один, командир роты. По штату 11 прапорщиков: старшина, техник, командир взвода обеспечения и начальники аппаратных. В наличии – техник (Лось), старшина (Юсун) и командир взвода обеспечения (Шариф).

Понедельник – командирский день. Командиры батальонов и рот присутствуют на всех мероприятиях с личным составом с подъема до отбоя, включая прием пищи солдатами.

Территория, закрепленная за ротой для уборки, находилась как раз перед штабом бригады, окна зам. комбрига и НШ выходили на неё. И главная задача была – уборка территории. Какая связь, какая техника! Все на уборку территории!

Казарму с помощью округа сделали образцовой. Лучшие бымы этого не делали! Все начальники, какие есть, считали своим долгом привести проверяющих в нашу казарму и похвастать: «А вот так у нас солдаты живут!»

Причем ни один из них, включая родных комбрига и начальника штаба, для этого ничего не сделал.

Караул был с гауптвахтой, поэтому начкар – только офицер. То бишь я. 5–6 караулов в месяц – ништяк!

Суббота – ПХД. Развод, ПХД, в 15.00 совещание – подводим итоги. В 16.30 – инструктаж наряда лично командирами батальонов и рот. В 18.00 – развод нового суточного

наряда с участием

командиров батальонов и рот.

Воскресенье – ответственный замполит. Если нет – командир. Мы с Юсупом договаривались, кто когда ответствует. Я вроде пока без жены, но жить в казарме тоже ну его на хрен.

Хотели Лося припахать – не успели. Он устроился к комбригу штатным рыбаком – раколовом. Так что обязанности техника тоже плавно рухнули на мои плечи. Пытался поговорить с начальником штаба. Тогда это был подполковник Андрей Матчин.

– Товарищ подполковник, мне надо с водителями технику обслуживать. Многие солдаты плохо себе представляют, что у машины под капотом находится. А техника роты – нет.

– Да, я знаю. Мне комбриг сказал его за раками отправить. Он вечером стол накрывает – мэр и военком приедут.

– А мне что делать?

– Иди сам к технике, занимайся.

– А Лося вернуть на должность техника?

– Это приказ комбрига. Я против него не пойду. Хочешь – можешь сам сходить.

Ага, нашел дурака за четыре сольдо. Комбриг и так, как увидит меня «Что-то у вас техника не совсем в порядке». Открыл рот – а он мне «Ты командир роты, в роте ты за все отвечаешь. За технику в том числе».

Пока меня дрючили на всех разводах и совещаниях, строгих смотрах и ПХД, караулах и проверках, как командира отдельной роты, Сан Саныч тихо сидел на узле связи, занимаясь своими делами. Он мог уехать к жене под Ростов на неделю и никто его не искал. Главное – решить вопрос с начальником связи. А Вадим Анатольевич был добрый человек. А вот со мной такой фокус не проходил. «Ты же все время на глазах у комбрига, начальника штаба и всего штаба заодно». Рассказывать в подробностях, как дрючат командира отдельной роты, чья казарма находится возле штаба бригады с одной стороны, а боксы с техникой – с другой стороны, я не буду. Это долго и малоинформативно. Зато когда встал вопрос о выдвигении кандидатуры на должность начальника связи бригады вместо уходящего на пенсию майора Черняева, тут же оказалось, что я не достоин этой должности, потому что...см. выше. Зато начальник узла связи Сан Саныч вполне достоин занять эту должность. Я охренел от такой засады!

Зато он заявил «Я никого не подписывал, ножки у кресла не подпиливал! Мне предложили – я согласился».

Но тут в Махачкале освободилась должность начальника связи Дагвоенкомата. В подчинении – стационарный узел связи и

пяток женщин-военнослужащих. Майорская категория, между прочим! Я сказал – если недостоин на бригаду стать, пойду в военкомат Дагестана. Вадим Черняев вро-

де как с пониманием отнесся к тому, чтобы я ушел туда и обещал помочь. И тут я уехал на войну.

Оперативная обстановка

Чеченская компания начиналась по плану ГШ «айн колонне марширет с ост, цвай колонне марширет с вест», ну и на всякий случай с севера идет Рохлин. Основными ударными силами считались восточная и западная группировки. И те, и другие получили по сусалам, и, умывшись кровью, откатились назад. Командир владикавказской дивизии полковник Кандалин (наш бывший комбриг) вообще отказался входить в Чечню с дивизией. На переправе с той стороны его встретили его бывшие подчиненные по Афгану и дали понять, что будет бойня. Он отказался выполнять приказ и был отстранен от должности. В 1995 году во Владикавказе его убили. Убийство не раскрыто до сих пор.

В это время военнослужащие начали ярко делиться на две категории – люди мирного времени и люди войны. В мирное время солдаты и офицеры, которые постоянно имеют проблемы с начальством, с дисциплиной и т. д. являются постоянной головной болью для всех командиров. Но как только они попадают на войну, они становятся теми, кем и являются по сути – отличными, храбрыми, инициатив-

ными солдатами и офицерами. А отличники боевой подготовки, успешно подметающие плац и красящие траву, становятся похожими на студень и представляют реальную угрозу не только для себя, но и для окружающих. Вот эти люди войны в конечном итоге и обеспечили выполнение боевых задач своих частей. На корпус Рохлина никаких особых надежд не возлагалось. Но когда корпус Рохлина без потерь прошел половину Чечни (небоевые потери были, старые машины и БТРы подрывали сами идущие в тех. замыкании), он сразу стал представлять огромный интерес для вождей в Моздоке и Рохлин был назначен командующим ОГВ «Север», а по факту самым старшим начальником среди воинских частей.

Для решения чеченского вопроса были стянуты все более-менее боеспособные части со всей России. Я точно знаю об участии: Сухопутные войска со всех военных округов, Воздушно-десантные войска, Спецназ ГРУ, Морская пехота, Внутренние войска МВД, сводные отряды ОМОНа и СОБРа МВД со всей России. Каждый был со своей системой связи и ключевыми документами, связи взаимодействия не было в принципе. Если все военные имели радиостанции одинакового диапазона и могли хотя бы теоретически связаться между собой, то СОБР и ОМОН таких раций не имели совсем! У них были свои уюки-токи и всё! Дальнейшие события показали, насколько все-таки нужна нормальная связь.

Связь бывает трёх видов:

- 1. Была, но только что пропала*
- 2. Ещё нет, но сейчас будет*
- 3. Связь есть, но она не работает.*

С разгона в Грозный мы все-таки влетать не стали, пристроились к колонне батальона связи и стали ждать команды на выдвижение. Она пришла где-то в обед и мы тронулись. Дорога, как дорога, ничего особенного. Пока не въехали на окраину Грозного. Слева комплекс завода, не помню какого, справа пустырь. И тут по нашей колонне слева начинает работать пулемет! Что должен делать танк, который идет головным? Я предполагал, что он должен давить пулемет огнем и освободить проезд, чтобы не превращать колонну в кучу мишеней. Командир танка думал по-другому. Он встал среди дороги (объехать его нельзя) и начал водить пушкой, высматривая цель. Я в это время открыл дверь кабины со своей стороны, и схватив Пуха за шкварник, вытащил его из кабины со своей стороны. Малой открыл окно в кунге слева и из автомата начал садить в сторону пулемета. Попал или нет – мы не знаем, но пулемет замолчал. Прыгнули в машину и поехали дальше. Пух:

– Товарищ капитан, ЗиЛа впереди подбили – колесо спускает!

Через минуту:

– Товарищ капитан, нас тоже подбили – колесо спуска-

ет!

– Пух, ехай, как хочешь! Колесу хана – и хрен с ним! Если станем – нам сразу п...ц!

Пух ехал на перекошенном Газ-66 на второй передаче, и мы дружно молились, чтобы мотор не заглох. До консервного завода, где развернули штаб 8АК, мы ехали около 5-7км. Приехали, стали, я Пуха сразу отправил на промысел по добыче колеса, а лучшие двух – с запаской в армии, как всегда, тоже проблемы.

Через какое-то время прибегает посыльный – «Вас вызывает Соломахин (комбат)». Прибыл, доложил

– Серёга, ты Р-161 знаешь?

– Знаю.

– Работать сам сможешь?

– Смогу.

Подводит к Р-161 – «Вот твоё рабочее место. Сейчас придет начальник аппаратной, садись на связь».

Козырнул «есть», жду нач. станции. Приходит прапор, говорю:

– Открывай кунг, запрашивай станцию – будем связь качать.

– Хорошо, только надо немного подождать.

– Чего?

– Пока порядок наведу в отсеке.

– Нах... мне твой порядок, мне сказали на связь садиться!

Открывается отсек и я понимаю, что пока он не наведет

порядок, я туда просто не зайду, не то, что связь обеспечу. Там в отсеке было ВСЕ имущество прапора и его экипажа. Хорошо, ждем. На улице стемнело. Прибегает посыльный – «Вас вызывает Соломахин».

– Почему на Р-161 связи до сих пор нет?

– Потому что она до сих пор не запитана.

– А почему не запитана?

– Спросите у своих подчиненных.

– Начальник станции, почему нет питания?

– Нечем запитывать. Свой агрегат АБ-8 сдох, нагрузку не держит. Больше здесь ничего нет.

– Что, совсем ничего?!

– Совсем. Дизель в Толстов Юрте, должны на днях привезти.

– Иди, Серёга. Я тебя потом вызову.

Р-142Н питалась от своего АБ-1-П/30 (1кВт, постоянный ток, 30В), поэтому в нашей аппаратной было тепло, светло и мухи не кусали. Серега сообразил, что сегодня 31 декабря 1994 года и надо встречать Новый Год! Я дал команду накрывать стол и снова прибегает посыльный – «Вас вызывает Соломахин». Прихожу на ЦБУ, за столом сидит Рохлин, справа стоит Никифоров. Слева было место Соломахина. Никифоров изобразил пантомиму из которой я понял «этого выгнать на х..., а этого посадить!» Кого выгнать, а кого посадить, стало ясно через 5 минут. Мы подошли к БТРу комкора, на связи сидел к-н Подлинев Олег (клич-

ку даже угадывать не надо) и прапорщик (его не помню). Соломахин сказал:

– Садись на связь, нужна связь командиров итурмовых отрядов с Рохлиным.

Как оказалось, несмотря на сверенные мной радиоданные, связь у Рохлина со своими частями прекратилась в момент начала движения. По организации радиосвязи надо сказать отдельно. По науке, у комкора связь со штабом дивизии на одной частоте, у НШ корпуса связь с НШ дивизии на другой частоте, у нач. арта корпуса – своя сеть с артиллерийскими частями дивизии, у разведки-своя сеть, у операторов – своя и т. д.

У штаба дивизии точно такие же сети с полками. Так должно было быть. В реальности получилось гораздо хуже. Точнее, совсем плохо.

В одной сети на одной частоте в открытом режиме работали ВСЕ! Командиры итурмовых отрядов пытались руководить своими подразделениями, чтобы вывести их из-под огня. Здесь же командир 20 мсд в эфире устроил истерику командиру итурмового отряда за то, что тот отступил, бросив убитых и раненых. И в этой же сети радисты комкоровского БТРа пытались обеспечить связь Рохлину с командирами итурмовых отрядов. Я работать по радио и любил, и умел. Сел в БТР, спрашиваю Олега насчет отопления внутри. Ответ меня потряс до глубины души – никакого отопления внутри не предусмотрено! То, что там нет

штатного отопителя, я знал – у меня были такие же БТ-Ры. Но то, что экипаж ничего не сообразил для себя и мёрз в этой консервной банке, меня потрясло до глубины души.

Не успел выйти в эфир, звонит вынос Л1 (для связи с выноса в закрытом режиме). Никифоров «Что со связью?» – «Работаю». Не успел выйти в эфир, звонит вынос Л2 (для связи с выноса в открытом режиме). Соломахин «Что со связью?»

– «Работаю».

Через пять минут такой работы, а точнее суходрочки, я на повышенных тонах сказал Никифорову, что как только появится связь, я сам позвоню на вынос и соединю Рохлина с нужным командиром. Вроде оставили в покое. Я достучался до нужных командиров – сначала одного, потом другого и третьего. Накал страстей упал, и я сдал смену Олегу, пошел к своим бойцам в Р-142. Тем даже Новый Год встречать не хотелось, попадали спать. В заднем отсеке собрались я, Серега Калашиников. Сели проводить Старый Год, выпили по пият, сидим ведем разговоры за жизнь и дальнейшую судьбу.

– Шеф, а ты вообще что думаешь по поводу всей этой кампании?

– Да ничего хорошего я о ней не думаю. Опять деньги делят за счет нашей крови.

– Почему ты так считаешь? Мы же наводим «конституционный порядок»!

– Серёж, кто позволил чеченцам создать бандитский анклав в центре Кавказа? – Москва. Ельцин лично сказал «Берите столько суверенитета, сколько сможете». Вот они и взяли. И создали анклав, на территории которого не действуют никакие законы, кроме тех, что они сами установили. А афера с фальшивыми авизо! Ты что, до сих пор считаешь, что это провернули чеченцы? Ха-ха! Как они могли несколько десятков раз получить деньги по фальшивым авизо без согласия нужных людей? А чеченцы что-то конечно поимели с этого, но они выступали в роли громоотвода. Где деньги? – Чеченцы украли! В Чечню ехать расследовать – дураков нет. То, что с Чечней надо было что-то делать – это однозначно. Но то, что и как делают – это вообще п...ц!

– Да, творится хрен знает что. А почему вообще армия этим занимается? Это же вроде не армейские функции.

– Если ты, Серёж, откроешь Конституцию, на которую Боря положил ..., то увидишь, что армия предназначена для отражения внешней агрессии, и на своей территории может действовать только против внешнего врага. А для действия внутри страны есть Внутренние Войска МВД.

– А какого хрена мы тогда здесь?

– Внутренние Войска просто не справятся с тем, что есть в Чечне. Здесь уже нужна армия. У чеченцев есть все, что есть в армии за счет брошенных воинских частей. А у ВВ – стрелковое оружие и БТРы с грузовиками. (этот факт

был учтен Министром МВД Куликовым, бывшим к тому же вице-премьером и к 1996 году у ВВ были и свои танки, и артиллерия, и вертолеты).

– Шеф, а у тебя каска «сфера» откуда?

– Да кто-то из ВВ забыл в аппаратной.

– А она тебе нужна?

– В смысле? Пока здесь, пусть лежит, а потом – нет, не нужна.

– А подари её мне!

– Ась? Нахрена она тебе?

– Я в ней на мотоцикле гонять буду!

Именно тогда я подарил Калашникову каску «сферу», потерявшуюся у меня от кого-то из ВВ.

Пришел особист из 8АК:

– А вы почему на ЦБУ не пришли Новый Год встречать?

– А что, он уже наступил? Мы еще Старый Год провожаем.

– Уже полчаса, как наступил 1995 год.

– Серега, пошли в БТР, Олегу поспать надо.

Мы сели в БТР и до 3-х часов вели разговор, не забывая про связь

по радио.

– Шеф, а ты дальше служить будешь?

– Собираюсь, если живыми отсюда уйдем.

– А я твердо решил после возвращения

рапорт на стол – хватит.

– А чего так? После войны тебе и должность дадут, и награду может быть.

– Шеф, если бы я служил в Краснодаре или Ростове-на-Дону, я бы еще подумал. А у нас, где нет ни жилья, ни воды и ходишь по улицам, как во вражеском тылу-нет. Я поеду домой, в Краснодар. Авось не пропаду. Тем более, что ты собираешься уходить.

– Да это только мои хотелки. Как оно будет – кто знает. А причем здесь мой уход?

– А с кем мне служить придется? С Черняевым? Ты и людьми командуешь, и гоняешь, и защищаешь своих, и технику знаешь. А Черняев что? Накатит стакан и бегаешь «Давай срочно это делай!». Через час «Бросай все на х..., надо срочно это делать!», еще через час следующая задача и снова «Бросай все на х..., надо срочно другое делать!» Я не понимаю, как ты вообще умудряешься что-то делать с таким руководителем. Я бы так и бегал, как он кричит.

– А я выбираю наиболее важную задачу и делаю её. А остальное по мере возможности. Получить п...й за что-то второстепенное в армии нормальное явление, а завалить всё и потом оправдываться, что это Черняев приказал – не хочу.

– Да Вадим Анатольевич интересный человек.

– Он дембель. Ему уже пох... Знаешь, как он совещание проводил?

– Нет, расскажи.

– Собрал меня, начальника узла связи и помощника начальника связи. Полчаса матом рассказывал нам, какие мы долбо...бы. Потом спрашивает:

– Вопросы есть?

– Есть!

– Пошел на х..! Вопросы есть?

– Нет.

– Свободны!

– Давай связь проверим в сети. А то небось, все уже спят! Давай циркулярный вызов и по очереди всех на связь. Командиров не вызывай, только радистов.

– Внимание всем! Говорит Вершина-20. Прошу всех на связь! Говорит Вершина-20. Прошу всех на связь!

– Гранит – 15, как слышишь, прием?

– Я Гранит – 15, слышу вас хорошо, прием.

– Рокот – 30, как слышишь, прием?

– Повторяю, Рокот – 30, как слышишь, прием?!

– Я Рокот – 30, слышу вас хорошо, прием.

– Тубус – 10, как слышишь, прием?

– Я Тубус – 10, слышу вас хорошо прием.

– Внимание сети, внимание сети! Я Вершина – 20, дежурим. Всем отвечать по первому вызову. Как поняли меня, прием.

– Я Гранит – 15, вас понял. Прием.

– Я Рокот – 30, вас понял. Прием.

– Я Тубус – 10, б вас понял. Прием.

– Шеф, а почему ты хочешь на «Акварель» в Дагвоенкомат уйти?

– Как оказалось, я не достоин занять должность начальника связи бригады.

– Ась?! Пока нас, лейтенантов не было, я вообще не представляю, как ты все тащил. На тебе были и люди, и техника. У нас сейчас четыре взводных и то мы не всегда справляемся. А ты один справлялся и успевал. И ты не достоин?

– Не достоин. У нас вообще на должность ставят не тех, кто работать будет, а тех, кто лучше прогнулся. А когда он не справляется, снимать не спешат – это признание своих кадровых ошибок. И стараются куда-нибудь сплавить такого деятеля. Можно даже на повышение. У Виктора Суворова есть рассказ «Русалка». Так вот это сто процентов взято из жизни. И у нас сейчас тоже такая политика. На должность станет Сан Саньич, а он вообще ничего делать не будет, только меня напрягать. Черняев хоть защищает меня, а этот будет топить, чтобы свою задницу прикрыть. Поэтому я пойду на «Акварель» и скорее всего, так и уйду на пенсию майором.

– Шеф, а ты меня отпустишь, пока ты еще ротный? Или будешь тормозить мой уход из армии?

– *Сергеж, если выживем, то я тебя тормозить не буду. Не вижу смысла тормозить человека, если он не хочет служить. За командование не скажу, у них свои тараканы в голове. Но сначала нам надо здесь выжить. И уехать отсюда тем же составом, что и приехали.*

В 3 часа подняли Олега и пошли спать в Р-142. Наступил новый 1995 год.

* * *

– ... вы что-то хотели Сергей Николаевич?

Оп-па! Вот это я дал. На автомате до магазина дошёл, да ещё и очередь отстоял. Вон сколько у меня за спиной ещё жажущих затариться ждёт, когда же я разродюсь...

Во мне как перед смертью-то воспоминания вштырили, не хуже жмыха от конопельки. Насмотрелся я на штыриков на зоне, пока меня там ФСБэшники обкатывали и придумывали как со мной дальше поступить. Грохнуть или совесть послушать, какую она пургу гонит. Советь взяла вверх, но как-то не до конца что ли. Я стал тем, кем есть сейчас. Человеком без прошлого..., а на будущее сил не хватает. Да и осталось-то этого будущего, пару часов от силы. Хоть не на трезвую к праотцам отходить.

Отравят, наверное. Но коньячка я сегодня всё равно выпью... хотя и вреден он для моего здоровья. Зона – не курорт, там здоровье точно не поправить...

– так что вам подать??

Культурно разговаривает продавщица, хотя вон очередь уже потихоньку возмущаться начинает, а кое-кто смелый и вовсе сказал, что я обкуренный...

Но продавщица знакомая. Тоже разведёнка... и на меня, свободного мужика, тоже планы какие-то свои лелеяла. Но она уж точно не в моём вкусе. Не люблю дам в теле, хотя признаю, что многим ребятам именно такой фасон фигуры нравится, и является эталоном красоты женской. Есть друзья, вернее были, в молодости, которые, когда звали меня на лядки, то можно было быть уверенным, что крали, которые нас ждали с их слов, имели габариты... девяносто – шестьдесят – девяносто... и это только лицо!!! Но вот для них, такие девицы, были богинями красоты...

– мне, Танюшь... – очнулся я окончательно от воспоминаний... и далее по списку...

Три больших пакета. А что? Гулять так гулять, чай уже точно не крайний, а последний раз в жизни оттягиваюсь.

Не пощадят – это и так понятно. Я вообще был удивлён, когда меня из зоны выгнали..., и что самое удивительное, уже тут в Уссурийске, даже на учёт в ментовку не поставили, как положено для бывших зеков, которые по УДО (условно досрочное освобождение) вышли на волю. Да и правда, зачем им это, когда в предоставленной квартире столько, наверняка, аппаратуры следящей..., да и сам Чапай об этом сегодня на прямую намекнул.

Домой добрался без происшествий. Да и идти-то тут всего ничего.

Испытывая непонятное наслаждение, принялся за готовку. Ну, надо же... как приятен «первый выстрел» их пузатого фужерчика. Аромат конька нежно манит. Покатал капельку по нёбу... сделал глоточек... Божественно!

Ах, какое наслаждение. Наверное, сегодня, не смотря на скорую гибель, будет самый прекрасный день в моей жизни. Не зря есть поговорка, что перед смертью не надышишься...

Откидываем пельмешки в дуршлаг, про юшку тоже не забываем. Кто против, тому с хрустящей корочкой прожаренный на сильном огне. Объедение!

Я ещё немного потерплю, и от обильного слюна-выделения захлебнусь!!!

Так, а теперь стол в комнату и его окончательная сервировка. Аккуратно сервируем столик. Всё по высшему разряду. Сидеть в такой день на кухне жлобство, а так хоть под разговор, ну не грохнут же меня сразу... можно и телевизор включить, и музыку, в виде фона установить. Конечно, можно и ноутбук включить, но всё-таки для антуража большой экран будет лучше.

Так... и не забыть на кровати в спальне новый комплект постельного белья постелить. Попрошу, чтобы дали в постели умереть. Ну, не воин я, и биться за жизнь не буду. Достали. Ведь реально Чапай мне ничего плохого не сделал. Лично, нет. Я не беру в расчёт всю их контору...

Василий Иванович как всегда точен и учтив, до оскорбительности.

Сказал через час, во столько и заявился и на удивление... один!!!

А мои шансы увеличиваются. Уж с одним оперативником и справиться можно, особенно когда в тебе, в качестве боевого коктейля, пара пузырей «конины» залито.

Но вряд ли у меня что выйдет. Нет, то, что духа хватит, я знаю, но не уверен, что этот орешек, в виде угловатого мужчины, со смешинкой во взгляде, который припёрся ко мне одетым в дорогуший элегантнй серый костюм, мне по зубам. Скорее, он мне их вынесет с пары ударов.

Но не будем о грустном. Я реально за последние годы себя сильно запустил. Животик появился. Раздобрел до шестидесятого размера, хотя с моим ростом не так моя полнота и заметна. Просто громадный мужичара..., а здоровый, значит, и добрый... если не пьяный, конечно.

– да у нас праздник!!!??? – проходя в комнату и не разуваясь, с усмешкой выдаёт, не очень-то мной и желанный гость. – Ну, тогда и это тему пойдёт.

Пакет передаёт мне.

Ну, и что там? Заглядываем.

Водки литр, «Абсолюта». Притом сразу видно, что не палёнка. Балычок, какая-то вкусняшка из мяса от «Ратимира» и баночка огурчиков. Как они там называются по-научному? Корнишоны вроде.

Ну, французы дают... придумают же названия....

Водяра тоже пойдёт..., но я сегодня на коньяк нацелен, и будь что будет, печень, судя по всему, мне больше не понадобится.

А Чапай тем временем за столом уселся. Освободил себе уголок, и из своей представительной сумочки, какие-то бумаги достал и ноут.

Понятно. Всё чин чинарём... уже и приговор придумали. А интересно, в чём они меня обвинят? Что я шпиён японской разведки?

Эта мысль меня развеселила.

Всё на столе. Только водку в морозилку закинул, предварительно спросив у Иваныча не откажется ли он со мной «конину» продегустировать.

Не отказался, сказав, что возможно, у меня сегодня и заночует, уж больно о многом нам оказывается с ним переговорить придётся.

Понятно, ещё поживу. Может и до утра дотяну.

МузТВ несёт какую-то пургу в виде современной музыки, не знаю уж какого там музыкального жанра, а у нас в пузатых бокалах коньячок уже по третьему кругу прошёлся. Половинапельменей уничтожено и балык последние мгновения доживает, а разговора как нет, так и нет. Пьём без тостов, единственно третий не чокаясь шлёпнули. Дань традициям!

– давай по-простому. – неожиданно произнёс, немного зазмелевший гость

Я пожал плечами. А мне-то что...

– давай, Иваныч...

– ну, бахнем ещё по одной, и поговорим. – предложил он.

Кто ж от таких-предложений-то отказывается!

Бахнули, причём по объёму налитого, я не жадничал.

Закусили...

– гадаешь, чего я к тебе в гости напросился??? – усмехнувшись, спросил оперативник.

Я горько усмехнулся...

– и это тоже. Чего уж там, но больше я сейчас жизнью наслаждаюсь, а не догадками мучаюсь, ибо даже не догадываюсь, переживу я сегодняшнюю ночь или нет. Оттого даже нелюбимые мной корнишоны, словно райская манна идёт. – предельно честно ответил я.

– сильно! – хмыкнул Чапай. – Но думаю, что доживёшь, если, конечно, от такого количества коньяка у тебя раньше печень не откажет. И охолоди гнать, успеем ещё выпить, мне ты трезвый нужен... ну почти. Разговор серьёзный и долгий.

Я молча вопросительно посмотрел на своего куратора.

– тут такое дело Евгенийч... в общем там... – Вася ткнул пальцем в потолок. – Очень высоко, неожиданно озадачились твоей судьбой. И очень удивились тому, как с тобой поступили.

Я скрежетнул зубами.

– а там что, не в курсе? – с издёвкой спросил я.

Чапай хмыкнул...

– оказывается, что нет! Для меня этот факт тоже откровение. Не смотри на меня так... я сам в шоке. Команды по тебе первый зам давал. А тут америкосы с англами вдруг твоей судьбой озадачились, всё-таки ты им задницу спас, а тут вроде пенсионный возраст. В общем к пенсии твоей военной, оказывается, ещё десять тысяч ежемесячно поступало... – потом посмотрел на меня внимательно, и добавил – Евро.

Я ошарашено уставился на офицера.

– десять тысяч!!! – не поверил я – И чё?

– А ничего. Вышли-то с вопросом на самого... ну а он и задал вопрос, только не тому, кому надо из наших боссов, а личным, так сказать, любителям совать нос в чужие дела. В результате, опять в Москве перетасовка...

Я смутно припомнил. Вроде на работе по радио слышал, что целую шоблу московских генералов наш Вован на пенсию отправил, а кому-то не так сильно повезло... повязали на чём-то.

Неужели...

– Там что мои деньги не поделили? – усмехнувшись, спросил я.

– ну, почему же не поделили. Очень хорошо даже подлили. Но только на двоих. Остальным не досталось. Твоя бывшая, кстати, и не в курсе, что её новый суженный, её просто обкрадывал.

Напоминание о жене взбудоражило всё в моей душе, подогретой изрядной порцией коньяка, но я сдержался... пока

сдержался.

– в общем, президент поинтересовался, и ему честно твой расклад доложили... Наливай...

Команда поступила, чего тянуть.

Бахнули...

– и чё... – нервно спросил я.

– Он охренел... просто охренел, и даже наши аргументы его не убедили. Я тебя вёл с самого начала нашего знакомства, и тогда в Моздоке я тоже был. Всё видел всё знаю, но вот на выводы повлияло твоё частое использование интернета. Это ты сейчас пай мальчик, а раньше... тебе зачитать твои перлы, которые ты посвящал как Медведеву, так и Путину???

Я, прикусив губу покачал головой.

Знаю... говорили... крыть нечем.

– тебя и твой психотип наши психологи едва ли тогда не облизали, и по полочкам не разложили, и сделали вердикт, который прозвучал для тебя приговором. Сложно вменяемый и упрямый. Вольнодумец, и искатель правды. От того и два года на зоне. Успокаивали.

Я кивнул. И сам уже догадался.

А между тем Чапай продолжал.

– а тут на носу выборы и дело невероятный резонанс приобрело в мире. Кто тебя вообще просил, полковником ФСБ представляться? Я-то понимаю, что много лишних вопросов избежал..., но и сам подставился. Выпускать тебя за грани-

цу, в таком статусе, побоялись. А дальше просто заврались... к тому же увидели, что у вас с женой недопонимание и дети взрослые. Сын наше училище сейчас заканчивает. На особом счету у командования. Дочка замужем за офицером, за карьерой которого мы следим. Пристально следим и помогаем. Да и сама твоя девочка молодец, на второе высшее пошла учиться.

Я горько усмехнулся...

– и жене молодого мужа подвести догадались. – прошипел я.

Василий поднял указательный палец правой руки вверх и произнёс...

– сделав из него точную молодую твою копию. Но не молодое тело склонило в нашу пользу весы в общении с тобой бывшей..., а будущее детей. Ну и квартира в Москве не последнюю роль сыграла и пансион пожизненный в размере зарплаты полковника ФСБ.

Он развёл руками в стороны, как бы этим говоря: ну такие женщины...

– а надо-то было всего лишь правдиво играть страсть со своим «мужем» на людях, когда приглашать начали, спасителя человечества, в разные страны, включая Англию и США. Всё просто... от того и с интернетом тебя в рамках держали и переписку проверяли в сети. И телефон твой всегда на прослушке был. Удивлён, почему из зоны выпустили?

Я кивнул.

– так там тебя сложнее контролировать было... и телефоны все у зеков не отберёшь. Посчитали, что проще выпустить, к тому же, к тому времени, ты уже перебесился... и успокоился. Фамилию сменили, отчество тоже. Биографию накарябали. А ты её вроде, как за сутки выучил. И теперь ты Сергей Николаевич Зимин. Бывший подполковник внутренних войск. Уволенный в запас по причине отсидки за не преднамеренное убийство. Есть такой реальный человек. Только, не посадили его. Всё было в пределах необходимой самообороны, к тому же в Чечне дело происходило. Но уже после активных боевых действий, потому и зацепили. Ну и тебе склеили такую портянку. Ни родственников... никого.

– понятно. Раньше только команды поступали без объяснений... а теперь смотри, расщедрились. – зло произнёс я.

Меня начинало нести...

– успокойся! Ты не ребёнок. Сам того не желая, влез в серьёзные дела. Спас людей и страну от горя – хвала тебе, потому и жив ты ещё. Не решились руку на тебя поднять, хотя это для нас был бы самый лучший способ всё устаканить. Нет человека – нет проблем. Закон старый! И не нами придуманный. Тогда ты очень помог ФСБ. Поднял, так сказать нашу организацию, в глазах мировой общественности, на самый высокий пьедестал... но вот дальше... как бы ты повёл себя, когда бы выяснилось, что ты просто офицер связи министерства обороны, к тому же в запасе? И кто бы смог тебе язык укоротить? А там бы конференции, брифинги с жур-

налистами. А ты со своим прошлым в Яндексе и высказываниями о власти... Молчишь? Вот и молчи. Сам виноват... к тому же опять повторяюсь, выборы на носу были. Никто рисковать не хотел. И сейчас у нас скоро выборы... Но это уже ни на что не влияет.

Мы помолчали.

Я так же молча опять наполнил бокалы. От пережитого как-то быстро протрезвел, не взирая на выпитое.

Бахнули...

– и что же теперь-то изменилось? – спросил я.

– а сейчас президент потребовал от нашего руководства восстановить, по отношению тебя, справедливость. Правильно потребовал..., но с оговорками. Тебе уже никогда вновь не стать самим собой. Никогда не быть Чистяковым Сергеем Евгеньевичем. И с общением с детьми и женой тоже ограничения. До сих пор твоя семья находится под постоянным присмотром со стороны иностранных спецслужб. Ошиблись мы тогда в выборе твоего двойника. Не справился он с задачей тебя играть. Где-то у нас утечка пошла. И журналоги роют землю вокруг твоей семьи. Всё-таки события тех лет вызвали в мире серьёзный резонанс. Рисковать никто не хочет. Если что выйдет на свет... мы будем все иметь бледный вид. Сейчас, официально ты в разводе, а этого уroda..., ну это уже неважно. Его уже считай и нет. Но твоя жена в положении. Нет, конечно, можно типа вас познакомить. Вы вновь сольётесь в экстазе любовном, и дети смогут твои

с тобой спокойно общаться. Такой вариант рассматривался. И я к нему, честно сказать, склоняюсь. Но вот зная тебя, наши яйцеголовые «психи» сделали вывод, что даже ради детей ты, к предавшим тебя, уже не вернёшься. Ну? Удиви меня... давай!

Сука! Тварь!!! Задушил бы... ещё и издевается...

Я видно раскраснелся сильно от переживаний, да и его полупьяная улыбочка меня начала бесить...

– молчишь? Как же сложно с тобой. – а ведь он тоже психует. Интересно, с чего это?

Я, видя это, как-то уж быстро успокоился.

Скинул себе в тарелку остатки поджаренных пельменей, и принялся заедать горе.

Удивлённо посмотрев на меня и поняв, что его провокация не прокатила... Чапай, махнув на меня рукой, сам принялся за разливку очередного фуфюра...

Снова опрокинули содержимое фужеров в себя.

А хорошо пошло! А это значит, что завтра будет, ну очень плохо, и хреново то, что за руль уже не сядешь...

– и чего вы от меня теперь хотите? Что ваш Вован от вас требует??? – поинтересовался я.

– Вот! – Иваныч обличающе выставил в мою сторону указательный палец. – Вот из-за чего с тобой вся эта беда случилась. Даже сейчас, никакого уважения к великому человеку. Вован!!! – передразнил он меня. – Он тебе считай жизнь спасает. Реально тебя хотели порешить, и я бы команду вы-

полнил, иначе бы и меня порешили вместе с тобой. А ты... Вован!! Он не в курсе был от того и в бешенстве пребывает, а тут ещё всплыло, что твою пенсию, назначенную пендосами, просто воровали все эти годы. А ты... Вован...

Я аж крякнул...

Бля! Привык всласть ругать с собутыльниками, да и забыл, кто тут со мной сейчас коньяк распивает...

Глупо вышло не спорю, но и восхищаться Путиным мне уж точно не с руки, ведь знал... знал, хоть и не весь расклад.

– ты мне ещё предложи, у вас прощение попросить. – взорвался я. – И за зону, и за разрушенную судьбу, и потерянную семью. Я даже с детьми теперь общаться не могу, а ты тут меня пристыдить собрался. Обломись. Суки вы все... – я посмотрел в его совершенно трезвые глаза... – И ты Иваныч об этом знаешь.

Помолчали...

– ладно, проехали. – примирительно произнёс Чапай. – Наливай, а то уйду, и ты так и не узнаешь главного.

Ого! А оказывается тут ещё и главное-то не оглашалось!!! Надеюсь не приговор мой, а то мне что-то вдруг уж очень понравилось жить. Вся хандра куда-то подевалась...

– ну, давай... удиви меня! – вернул я ему его же подколку, на что он только радостно как-то оскалился.

– А таким ты мне больше нравишься. – выдал он. – Ну что же... налито! Тогда, поехали, а то что-то у нас сегодня коньяк, что вода идёт... и не берёт меня нисколько. Что уже

становится обидно, такой продукт просто так приводим. По-ехали...

Жахнули...

Ну, вот опять вроде приход пришёл... немного в голове шумит... кайф!

– курить-то у тебя можно? – неожиданно задал вопрос Иваныч.

Я пожал плечами.

– кури, я только сейчас форточку или дверь на балкон открою. Комары-комарами, но дышать дымом как-то не хочется. А против этой кровососущей дряни у меня Фумитокс есть...

Неуверенной походкой, пару шагов осилил до окна и двери на балкон. Постоял подышал ночным воздухом, и обратно за стол.

Телек что-то беззвучно втирает своими изображениями музыкальных знаменитостей. Звук мы выключили ещё как час назад.

– а главное, господин полковник... – расслаблено откинувшись на спинку дивана и раскинув руки в стороны, произнёс куратор – заключается в том, что с тебя снимается надзор по первой форме. Ты почти свободный человек. Но...

Вновь этот указательный палец, указывающий в потолок. За сегодня он меня точно достанет, и я ему его сломаю... палец если что...

– и что у нас на этот раз? За границу мне нельзя выез-

жать? – спросил я.

– это и так понятно. – усмехнулся оперативник – Кто же тебя в своём уме выпустит-то. Тут покруче расклад. Без за-
границы ещё жить можно, а вот без столицы уже сложнее. Тебе пока..., я говорю пока, запрещено пересекать Ураль-
ский Хребет.

Скорчив рожицу и приподняв ладони, так он выразил мне свои сожаления.

– но думаю, что это временно, как и заграница. Каких-то десяток лет и ты почти свободен. Про запрет занимать руко-
водящей посты в государственных структурах я тебе не буду говорить, это и так понятно, и депутатом тебе уже никогда не стать. Ты всё так же под надзором только теперь он в более щадящем режиме проходить будет. Так что смело можешь уже сегодня баб заказывать. Видео и ауди записей не будет. – Он опять оскалился как волк... – Деньги то для этого сего-
дня все с депозита снял?

Я удивлённо взглянул на своего собеседника.

Ты смотри, и этот момент просчитал.

Отвечать то надо что-то. Можно честно ответить, а мож-
но...

Да чего там...

– да! Собирался, если пожить бы разрешил.

Он кивнул.

– разрешаю... живи и радуйся. Но не сегодня. Я конечно, не против и девочки у вас в Уссурийске прелесть какие

классные... но... сегодня без меня. Да и не получится сегодня, нам ещё и денежные вопросы порешать надо.

– слушай... – я придвинулся, немного и нагнулся через стол – А к чему эти ограничения? Ведь президент...

Иваныч только усмехнулся.

– Владимир Владимирович человек системы, и он поддерживает такой подход. Но я же объясняю тебе, что ограничения временные. Посмотрим, как ты устроишь свою жизнь. Не будет от тебя проблем... снимем какие-нибудь или наоборот, другие введём. Ты для нас прыщик... маленькая проблема, но очень болючая. Та проблема с самолётами и террористами для нас, как и для разведок других стран, оказалось полным откровением. А тут ты, такой красивый, со своим чеченским друганом... и вы оба к ФСБ приписываетесь, нам на радость. Мы круче всех!!! Но проблема в тебе, и даже не в чеченце. В отличии от тебя, Рустам сразу все плюсы просёк и понял, что от него требуется..., а ты вспомни, как с полковником из Москвы разговаривал, что во время полёта на борту самолёта, что потом в Моздоке. Да ты оказался прав... с грузом самолёта всё оказалось больше чем плохо, и твоя идея уронить его в море, оказалась в итоге, единственным верным решением. Но твой гонор и плохое поведение в отношении власти в прошлом, привело к тому, что Рустам теперь депутат Государственной Думы от Единой России, и Герой России, а ты тот, кто есть сейчас. Пенсионер, без кола без двора. И главное, без прошлого и семьи. Ты едва не опу-

стился на самое дно общества, и не запил. Вот так...

Да..., крыть нечем. Но не знал, что сосед по самолёту, с кем мы в начале чуть не подрались, ещё в аэропорту в Турции, и с кем потом ублюдков щёлкали... станет депутатом. Молодец, не растерялся. Герой... настоящий герой, а мою звезду вручили, но не мне... вернее мне, но получал её ни я.

Я об этом только через два года узнал, уже в зоне...

– ладно не буду тебе мораль читать, ты и сам взрослый уже мальчик. – произнёс Чапай.

Ну, как ему удаётся??? Он опять почти трезвым выглядит, в отличие от того же меня...

– наливай и продолжим... – поступает знакомая команда.

– Я пас...

Отрицательно машу рукой.

– слабак... – произносит мой куратор и набухивает себе пол бокала. – И так продолжим наше заседание... – опять трезвый взгляд в меня упёр... – список ограничений я тебе скину на комп. Потом уничтожишь. Выучишь и уничтожишь, чтобы потом не говорил, что не знал, когда тебя на расстрел поведут. Я не шучу. Вопрос о твоей полной ликвидации не снят, он только отодвинул на неопределённое время. Закосячишь в чём, то грохнут. Нам ненужный резонанс в мире не нужен. Сам понимаешь, а ты, как не крути, ещё живой и пальчики твои ещё при тебе. Да мало ли способов определить, тот это человек или нет. Так что не провоцируй и живи себе радуйся, тем более с такой-то пенсией. Кстати,

о ней...

Мой куратор неожиданно из добродушного собеседника, превратился в жёсткого, жестокого оперативника...

– решаем сейчас. Больше к этому вопросу не возвращаемся. У тебя в активе считай, есть десять тысяч евро ежемесячно. Большие деньги для таких как ты, и ни о чём, для серьёзных людей. Но как показала практика, и на эту мелочь нашлись уроды, желающие их прибрать к рукам. Я предлагаю следующее. Мы сейчас решим и сразу, если решишь распределим деньги и через банк проведём твоё решение, которое сложно будет потом переиграть. Это сделаем для того чтобы никто не смог тебя заставить переводить платежи на прямую. Я конечно этот вопрос контролировать буду, но всё может произойти. Итак, ты бы не хотел подумать о своих родных? Пацан курсант... дочка тоже не богата, так уж слишком. Жене, конечно, тоже кое-что государство выплачивает..., но она не забывай, в положении, а аборт делать уже нельзя. Возраст. Подумай...

Я усмехнулся.

– Ты мне предлагаешь поделиться деньгами, которые я никогда не видел? – спросил я.

– а что тут такого? В данный момент есть десять тысяч евро за прошлый месяц. Забрали у уродов, успели. Их не трогаем, сейчас кинем тебе на счёт. Понадобится, обменяешь прямо на онлайн ВТБ. У тебя же кабинет свой личный есть?

Я кивнул

– и сбербанк тоже открыт. Туда пенсия падает на карточку. – объяснил я.

– вот и хорошо. – Иваныч улыбнулся и придвинул к себе копп... – Вводи пароль.

Смысла таиться от куратора не было никакого, уверен, он точно знает, сколько у меня тараканов через кухню каждую ночь пробегает.

Набил код... вошёл в онлайн кабинет.

– так, смотрим. У тебя всего десятка что ли осталась? – удивился он.

Я пожал плечами.

– так ведь ещё и на сбере лежит кое-что.

– понятно. С начала с пенсиями твоими разберёмся. Мне же доклад делать, так что давай сейчас решать. Сто по детям?

Я задумался.

А ведь прав куратор. Куда мне столько бабла, а пересылать самостоятельно я им ничего не смогу.

– всем по две тысячи. – решил я.

– всем – это всем? И жене тоже??? – переспросил Иваныч.

Я кивнул.

– молодец... – произнёс он, что-то клацая по клавиатуре ноута...

Тренькнул телефон. Смс...

Ну-ка...

Ого!

«К вам на счёт поступили средства в размере десяти тысяч

евро...»

Я судорожно сглотнул. Никогда даже не держал в руках таких денег... но оказалось, что «Дед Мороз» припрятал напоследок ещё один «сладкий пирожок».

Чапай посмотрел на мою расплывающуюся в довольной улыбке, пьяную рожу, и произнёс...

– а теперь гвоздь программы... – произнёс он голосом конференсье на оперном концерте – дальнейшим номером нашей программы... – пауза... – а если серьёзно, то теперь речь пойдёт о квартире.

Я напрягся. Понимаю, я в этих метрах квартирант без всяких прав.

– значит, так... ты завтра уезжаешь в Океанский Военный санаторий во Владик. Путёвку и всё такое, получишь на месте. Можешь ехать на машине. Она у тебя ещё ничего. Пока ты будешь отсутствовать в квартире, у тебя проведут ремонт, поменяют мебель. В купленном тобой гараже тоже отметятся. Когда вернёшься там тебя сюрприз будет ждать. Гараж у тебя большой на два машина-места. И даже после этого место для верстаков останется. Мы тут уже прикинули чем ты в последнее время полюбил заниматься и сделали выборку. Поймёшь потом. Но это не подарки. – Иваныч внимательно посмотрел на меня. – За пять лет у тебя общей сложностью своровали почти тридцать шесть миллионов рублей. Огромные деньги. И как понимаешь, наша структура тоже умеет считать деньги, а за этих уродов начальство озадачило рас-

плачиваться нас. Предлагаю следующее... половину этих денег я кидаю, прямо сейчас, тебе на счёт. Не любой счёт. Хочешь ВТБ, хочешь сбербанк. Заказывай, тем более у тебя уже там итак открыт депозит. Остальной долг мы отдадим натурой.

– натурой?? – не поверил я в то, что услышал.

Иваныч рассмеялся...

– и этим тоже, о чём ты сейчас подумал, но так рассчитываться уж точно не я буду. Есть тут у нас должники, кто поставляет такие услуги. Телефон тебе скинем. У тебя там пожизненное, бесплатное обслуживание будет. Видишь, мы тоже умеем быть благодарными. – усмехнулся он. – Чем ещё помочь? По квартире отработаем и даже наверно поменяем. Есть у нас в соседнем доме четырёх комнатная... тоже за долги заберём. По гаражу я уже сказал. Дачу хочешь? – спросил он...

Я поражено пожал плечами, не зная, что сказать.

– давай, определяйся. Я на твои деньги, что уже ушли тебе на счёт не претендую. Но вот есть у нас неликвид... тут от Уссурийска почти километрах в ста пятидесяти есть деревенька со звучным очень названием. Дюрни. Но все её немного по-другому называют. Небольшой населённый пункт в отрогах Сихотэ-Алинь. Охота, рыбалка и озеро в диаметре пару десятков километров. Дорога правда туда не очень... очень не очень. Вот один, так сказать деятель, очень любил там отдыхать. Построил домик... но недавно не на

того рот открыл, и теперь лет на двадцать, то есть до конца своих дней, забыл о свободной России. Ну, не мне тебе объяснять, как это у нас делается.

Я со вздохом кивнул.

Что уж говорить, сам через это прошёл. Но двадцатка???

– не удивляйся. Было за что. Его вообще к вышке, то есть к пожизненному хотели подвести, но он решил проплатить. В итоге, после дележа нам его бунгало досталось. С документами всё в порядке. Не волнуйся, из зоны он живым не выйдет. – упредил куратор мой закономерный вопрос. – Мы просто оформим за тебя документы купли продажи. И все дела. Там, конечно, в сумму долга не войдём, но ещё катер добавим и чего ещё, если хочешь. Для охоты квадроциклы нужны. Вот ещё миллион. Американца подгоним. Он нам за бесценюк встал. Тебе так отдадим... недорого...

Я усмехнулся.

– новый миллион стоит.

– вот! У нас уже нормальный разговор пошёл. Торг называется. Ты не стесняйся. Пользуйся моментом, когда я тебе денег должен. Потом мои услуги возрастут для тебя в разы, ты уж поверь.

Да уж, верю...

«Купчины при исполнении» двадцать первого века!!!

Я задумался.

А и правда, а чего бы мне попросить, да такое, что за деньги не купишь, или сложно купить. Вот! Тут кто-то про охоту

и рыбалку говорил, а у меня ни документов на право управлять моторкой и катером, да и для квадроцикла они тоже нужны. А ещё...

– от квадрацикла и хорошего катера я никогда не откажусь, но кроме документов на них нужны ещё и права. Удостоверение на право эксплуатации. А у меня их нет. Когда-то были в прошлой жизни, а сейчас нет.

Иваныч отмахнулся.

– После санатория приедешь, всё будет.

– А как с охотничьим билетом быть и с лицензией на оружие? Желательно ведь и на нарезное сделать. Всё-таки пять лет уже прошло. – сделал я попытку выклянчить ништяков по-крупному.

Чапай задумался.

А потом, видно приняв какое-то решение, произнёс...

– это вариант, закрыть за тобой долг. Но учти, оружие будет серьёзное и с документами. Всё-таки мы у тебя в долгах. Будет всё по возвращению из санатория. И документы, и лицензия, и оружие. Даже короткоствол как военному пенсионеру союзного значения сделаем, притом боевое, и тогда остатки долга боеприпасами закроем. Согласен?

Я кивнул.

– Отлично! Тогда по койкам. – Очень довольный собой и торгом, закончил Иваныч. – Всё, деньги я перегнал. Остальное завтра. Что-то я умаялся. Я сплю здесь, ты в спальне. Ко мне не приставать. А то я знаю вас... – пошутил куратор.

Я расстелил диван.

Диван был правильный: широкий и твёрдый. Да только, что толку? За два месяца в квартиру не ступала ни одна женская нога. Да уж, не так я представлял свою холостяцкую жизнь.

Я выключил свет, телевизор. Пожелал гостю хороших сновидений и отправился в спальню. Откинув в сторону приготовленный новый комплект постельного белья, разделся, плюхнулся на кровать и приготовился заснуть. Интересно получается: раньше, когда я ещё был семейным, то засыпал только под бубнёж телевизора, что раздражало жену, а последние несколько дней, выключая телевизор и с наслаждением засыпаю в тишине. Нет, все-таки я, точно, наверное, кот, который зачем-то вредничал и писал хозяйке в тапки!

Убирать со стола было в лом, тем более, завтра меня уже тут не будет, и, как понял я куратора, сюда я больше уже не вернусь.

Даже в ванну не пошёл, а стоило бы...

Свет погашен во всей квартире. Из зала уже трель храпа доносится, а мне почему-то не спится. Во как круто жизнь опять фортель выкинула. А жизнь-то, и правда, прекрасна. Словно в детство и в Новый Год окунулся!

Новый Год...

Опять накрыло воспоминаниями...

Эх, молодость, а как же тогда мне было страшно-то. Но ведь давили страх!

И вновь перед глазами пошли картинки былого...

* * *

Второго января пришла моя Н-18-3 с Максимом, Хаикуловым, Сырцовым и еще одним солдатиком. И приехала П-256 с Коляном. Колян радовался, как ребенок, что соединился со своими бойцами, и что теперь командовать ими буду только я, а не все подряд, как было в Толстом Юрте. Он и рассказал, что когда пришел приказ на выдвижение в Грозный на консервный завод, Максим сел в аппаратной и начал рассказывать бойцам, что он ехать в Грозный не может. У него младшей сестре 6 лет, родителей нет и если ним вдруг что, то она останется круглой сиротой. Но получив волебно пенса от начальства, спорить не стал. Нарваться на грубость в боевой обстановке – это не самый лучший вариант.

Приехали мои папуасы, а с ними приехал майор из Москвы. Он привез экспериментальную тогда переносную станцию космической связи Р-438 «Барьер». Она давала один канал под закрытие «Маховиком». Развернули её на крыше Н-18, кабели через дверь переднего отсека напрямую к комплекту ЗАС, запитались транзитом от «Москвича» Р-161. Проверка аппаратуры, ввод ключей, установка связи со спутником, установка связи с абонентом, сдача канала под закрытие, закрываем канал, сдаем на коммутатор...

БАЦ! Пропало питание! «Москвич» заглох. Экипаж Р-161 в мыле пытается завести АБ-8, мы курим бамбук.

Дали питание. Все повторилось. Канал сдали на коммутатор, прошла проверка связи.

БАЦ! Опять пропало питание. Майор из Москвы популярно объяснял, кто эти товарищи, кто их родители и что им надо сделать с представителями животного мира.

На третий раз я отказался включать комплект ЗАС «Маховик». Доложили Никифорову. Тот дал пинка Соломахину. Прибегает этот начальник.

– Почему нет связи?!

– Потому что нет питания.

– АБ-8 работает, включай аппаратуру!

– Москвич заглохнет через 15 минут. Это будет уже третье аварийное отключение. Союзсем и «Барьер», и «Маховик».

– Я приказываю, закрывайте канал «Барьера»!

– Обеспечьте нормальное питание, а не приказывайте хрен знает что!

Ушел. Вызывает меня Никифоров.

– Что случилось?

– Да все нормально. Просто питания как не было, так и нет. «Москвич» с Р-161 глохнет каждые полчаса, а этот придурок со своими приказами бегает. Пусть в своем батальоне сначала разберется, а потом мне будет приказывать.

– Сerez, ну что ты с ним ругаешься?!

– А что я должен debильные приказы выполнять молча?!

– Ну он же комбат!

– Да и хрен на него! Я связь должен обеспечить, а не идиотские приказы выполнять!

– Постарайся не ругаться с ним.

– Виктор Васильевич, вы меня знаете не первый год. Если я буду выполнять его приказы, сожгу к бениной маме ЗАС комплекты и приду к вам с докладом «Товарищ подполковник, я не могу закрыть ни один канал, так как по приказу командира батальона сожгли всю аппаратуру ЗАС». Вы этого хотите? Я готов. Только что потом со связью делать будете? Я вообще не понимаю, как такой офицер, как Соломахин мог стать командиром корпусного батальона связи!

– Между нами, должность комбата ему купил папа. Он в Волгограде бизнесмен. А меня назначили перед самой войной, я его просто не успел снять. И сейчас приходится воевать с теми, кто есть.

– Виктор Васильевич, связь я обеспечу по полной программе в рамках своих сил. Я понимаю, что если не будет связи, вся наша пехота будет хуже стада баранов. И гибнуть будут пачками ни за грош. Но выполнять придурочные приказы Соломахина я не буду.

– Хорошо, иди.

Пока я общался с Никифоровым, бойцы надыбали килограмм пять кофе жареного в зернах. Так у нас появил-

ся кофе по-чеченски. Рецепт: насыпаешь зерна в армейскую кружку, толчешь рукояткой штык-ножса зерна, заливаешь кипятком (вода хлорирована настолько, что просто пить невозможно) и засыпаешь столько сахара, сколько сможешь растворить и выпить.

И тут опять нарисовался Соломахин.

– Что, капитан, связи так и нет? Ты смотри, а то за тобой скоро придут!

Ась? Это чмо толстожопое меня пытается меня напугать?

Дисциплина, субординация, этика, толерантность и политкорректность покинули меня со скоростью СУ-27.

– Ты кого пугаешь?! Я последний раз пугался в девятом классе! А тебя вообще надо под трибунал отдать за такое обеспечение связи!

Он реально меня испугался! Внешний вид у меня был довольно колоритный: я не брился с 9 декабря 1994 года, шапка без кокарды, черный свитер, бушлат без звездочек, штаны афганка и сапоги в сочетании с небритой рожей делали меня очень похожим на боевика. Я так и не брился до возвращения в ППД 21 февраля. Меня так и звали все «Борода» или «Капитан-с-бородой». Подчиненные офицеры – «Шеф». Бойцы – «Ротный».

Сухпай кончился. Попытка стать на котловое довольствие с треском провалилась. Я просто не мог есть борщ и кашу, в каждой миске которой сидело от чайной до десерт-

ной ложки хлорки. И тут бойцы надыбали склад готовой продукции консервного завода. Да это просто праздник какой-то! Соки и компоты, консервированные фрукты и овощи в неограниченном количестве! После этого я десять лет пил только томатный сок (его там не было). Но соки – это прекрасно, а жрать хочется!

Построил своих воинов.

– Товарищи бойцы! Ставлю задачу – спасти от голодной смерти командира роты! Тащите чего-нибудь пожрать из разряда тушенки, сала, хлеба, консервы каши или рыбы. Ну и про витамины не забудьте!

Глаза бойцов стали как у эльфов. Командир рехнулся – ну где тут витамины взять?!

– Чего смотрите? Я вообще-то лук имел ввиду.

Все выдохнули, глаза пришли в норму. Через пару часов я вполне нормально поел тушенки с хлебом и луком.

Третьего января притащили Р-440, дизель и сразу пошла движуха по набору связей и закрытию каналов. Коммутатор ЗАС решили запустить в аппаратной Т-242ТН из 8АК. Два отсека. В заднем – комплекты ЗАС, в переднем – коммутатор и вспомогательные блоки.

В экипаже аппаратной было три человека. Начальник отделения ЗАС к-н Гнедин Юра, нач. аппаратной пр-к Климов Виталик, и солдатик ряд. Андрей Горячев. И в момент перехода с набора связей на боевое дежурство оказалось, что сидеть за коммутатором ЗАС просто некому! Юра с

Виталиком постоянно на контроле комплектов ЗАС, один солдат не может сидеть все время без смены. И тут пришла еще такая же аппаратная из краснодарского полка связи. Начальник аппаратной – пр-к Володя Зайцев. И самое главное – приехала ТЕЛЕФОНИСТКА! Каким ветром эту довольно молодую (лет 25) прапорицу Елену занесло в Грозный, я не знаю. Посадили её на дежурство. Даже Рохлин перестал матом разговаривать в трубку. Но красоваться – это одно, а работать – совершенно другое. На следующий день её сняли с дежурства и забрали для выполнения более привычных функциональных обязанностей. А коммутатор опять остался пустым.

Вызывает меня Никифоров. Уже на новое ЦБУ в подвале.

– Серега, ты за коммутатором работать можешь?

– Могу.

– Тогда садись, а то там совсем завал.

– У вас что, работать некому?

Так еще комбат есть, очень боевой!

– Хорош прикалываться, иди работай.

– Кто кроме меня будет сидеть за коммутатором?

– Да кто хочешь! Сади кого надо, но связь чтобы была!

– Тогда так: я дежурю с 8 до 12 и с 16 до 20 часов. Это пиковая нагрузка. С 12 до 16 и с 20 до 24 пусть сидит Андрей Горячев. Хоть и солдат, но шарит. А с 00 до 8 утра я посажусь Макса, пусть тренируется.

– Добро, давай.

А четвертое января навсегда осталось в моей памяти. Услышав взрыв мины в неурочное время (обычно минометный обстрел у нас был вместо будильника с 6.00 до 7.00), а это было около 12 дня, мы с Серегой решили глянуть. Тем более, что взрыв был в районе П-242ТН Гнедина. Пока оделись, пока обулись, ещё один взрыв. И тоже мина 82мм. Но подальше, чем первая. Походим – суета нездоровая какая-то возле аппаратной Гнедина.

– Что случилось?

– Виталика Климова ранило.

– Как?

– Он выскочил на первый взрыв из аппаратной, а ему осколок от второй мины прилетел. Хоть и в бронике был, осколок вошел в бок, где защиты не было.

– И что с ним?

– Понесли в ПМП (передвижной медпункт). О, а вот и те, кто несли его. Ну что?

– Умер. Пока донесли, уже не дышал. Осколок сразу до сердца достал.

Ему было 19 лет, в ноябре 1994 года он женился.

Все последующие дни слились для меня в бесконечные смены на коммутаторе, обслуживание своей аппаратуры ЗАС, контроль за толстолобиками. Мы с Максом дежурили наверху, а Серега подвизался дежурить на выносах на ЦБУ. И поэтому мы всегда были в курсе того, что творится реально. Но с едой было реально очень плохо. Есть то, что да-

вали, было нельзя. А больше ничего не было. Воды тоже не было. Руки мыли в баке с бензином и поливали сверху соком, чтобы отбить запах. Поэтому когда выпал снег, все радовались, как дети! Можно даже умыться снегом было!

Когда появилась связь ЗАС, мы стали хоть немного иметь информацию о том, что творится в мире. Первый звонок в ППД. Когда я позвонил, на узле все посты сбегались на коммутатор ЗАС, чтобы со мной поговорить. Ведь пока я сидел у ВВ, информации о моей судьбе не было никакой. Ну а если ничего не известно – значит, все плохо. Самые расхожие версии моего отсутствия – убит, ранен, в госпитале, попал в плен, пропал без вести. Оказалось, через неделю после моего отсутствия в часть пришла жена с вопросом «где мой муж?» На что «добрый человек» Вадим Анатольевич не нашел ничего лучшего, как рубануть правду-матку «Он в Чечне!»

Жена вызвала к себе маму. Та посмотрела на нашу жизнь и забрала её к себе 23 декабря 1994 года. А 24 декабря воздушное сообщение из Каспийска закрыли.

Максим уже тогда начал разговоры по телефону с одной, гм, женициной-военнослужащей. Ну а что всю ночь делать, если спать нельзя? А я решил немного успокоить свою семью. Я уже знал, что жена у родителей и в положении. Я вышел на УС штаба СКВО «Акацию» на телефон ЗАС – аппаратную «Интерьер». Там прапорщиком – техником смены трудился Дядя Юра, с которым мы вместе служили в Гер-

маниш. Я спросил, когда он будет на смене. Мне ответили, и я вышел на связь в его смену.

– Дядя Юра, приветствую! Чистяков тревожит.

– О, Серега, ты где и какими судьбами?

– Дядя Юра, я в Грозном, позывной «Тубус-1», мой личный номер 31. «Тубус» – это позывной в

Толстом Юрте. Мне нужна помощь. Надо выйти на Новочеркасск и попросить номер по городу.

– Сереж, сейчас не стоит звонить – разгар рабочего дня, а вечером я тебя попробую соединить.

– Дядя Юра, как ты соединишь ЗАС с открытой связью? Ты хоть ретранслятором поработай, скажи Маринке, что я жив-здоров. И ни в коем случае не говори, что я в Грозном. Скажи в Моздоке, в поле, связь только ЗАС, другой связи нет.

Так мы и общались с женой все время, пока стояли на консервном заводе – она задавала Юре вопросы, а я на них отвечал и отбрехивался, что тут не так уж и плохо. Пробовали трубки крест-накрест ложить, слышно вообще от-вратно было, но жена хоть поверила, что я жив-здоров и не так сильно переживала.

Макс отличился – умудрился сорвать переговоры Рохлину. Тот наказание придумал быстро – выкопать яму под туалет. Ходил, копал. Ну, не столько копал, сколько изображал для посторонних лиц работу.

А наличие связи обернулось еще одним обстоятельством.

Звонит «Акация» – отвечаю:

– Тубус-один, три-один.

– Здравствуйте, а вы не подскажете, как можно найти сержанта Мальшева Владимира? Мы знаем, что он в Грозном, а как связаться – не знаем.

– Я капитан Чистяков, командир роты, в которой он служит. Он жив – здоров, а соединить сейчас не могу. У него нет телефона ЗАС. Но сейчас пошлю гонца, он прибежит в мою аппаратную и сможете поговорить. перезвоните через 10 минут.

– Спасибо, я перезвоню.

С Мальшевым ситуация выглядела вообще нереально. 28 ноября он прибыл из учебки ко мне в роту. Из всех солдат он был единственным, кто мог самостоятельно работать на Р-142 в полном объеме. Его назначили начальником радиостанции – командиром отделения и 30 ноября он уже готовился к рейсу на разгрузку техники в Кизляр. Потом возврат в ППД и снова выезд в Чечню уже с 8АК. Написать домой он не успел, родители не знали, где он. И тут в программе «Время» показывают репортаж из Грозного и на экране Малой разгружает машину с продуктами! Родители в шоке! У отца был знакомый полковник в штабе округа, тот быстро выяснил, где служит Мальшев. И в части подтвердили, что служит. Но находится в командировке. Выяснили, как позвонить в Грозный. Ну и конечно повезло, что попали на меня, который знал его по фамилии. Так до конца тоже об-

щались по телефону, я пообещал приехать в гости после боевых действий. Обещание сдержал, но об этом дальше.

Иногда собирались у меня в Н-18 втроем. Разговоры проходили по одному и тому же сценарию.

– Серег, ты как относишься к яичнице с салом? (я)

– А я бы бабу вы....л! (Макс)

– Я хорошо отношусь к яичнице даже без сала! (Серег)

– А я бы бабу вы....л! (Макс)

– А я вот не против картошку с печенкой тушеной попробовать! (я)

– А я бы бабу вы....л! (Макс)

– А может шашлычка? (Серег)

– Ну ты и гурман! Давай что-нибудь попроще! (я)

– А я бы бабу вы....л! (Макс)

– Ну раз попроще, можно представить борщ! (Серег)

– Со сметаной и мозговой косточкой? (Я)

– Сволочи! Садисты! Я не могу с вами сидеть! Я от вас ухожу! (Макс)

В один прекрасный день в мою смену на коммутаторе пропали все каналы из моей Н-18. Звоню – связи тоже нет. Бежит Сырцов:

– Товарищ капитан, там танки прошли, антеннами сбросили кабель на землю и порвали гусеницами!

– Андрюха, бегом за коммутатор, у нас авария!

Сращивание кабеля при полном отсутствии инструментов и изолянт, да еще на морозе, да еще на дороге, по ко-

торой постоянно ездят машины – это есть зае...сь! В прямом смысле этого слова. Ну да ничего, починили, срастили, каналы сдали на коммутатор, все вернулось в свою колею.

Но отсутствие нормального питания все-таки привело к тому, что должно было случиться. На меня напала срачка. Нет, не понос, а именно срачка! Медпункта нет, таблеток нет – делай, что хочешь. Рези в животе такие, что я думал, у меня заворот кишок. Отлеживаюсь у себя в Н-18. Из заднего отсека Сырцов тянет трубку открытой (служебной) связи:

– Товарищ капитан, вас Соломахин просит.

– Чистяков, слушаю.

– Товарищ капитан, почему вы не заступили на дежурство на коммутатор?!

– Товарищ подполковник, я вам и начальнику штаба объяснил, что не могу дежурить. У меня – СРАЧКА!

– Товарищ капитан, напишите рапорт об отказе заступить на боевое дежурство!

– Никаких рапортов я писать не буду!

– Товарищ капитан, если вы не хотите со мной работать – подайте рапорт!

– Еще раз повторю: никаких рапортов я писать не буду и вообще – ПОШЕЛ НА Х...Й!!!

Через день я оклемался и заступил на дежурство. Вызывает Никифоров на ПУС. Это Газ-66 с кунгом, где протянуты линии служебной связи ко всем аппаратным. Использо-

зуются для управления аппаратными во время работы узла связи. Все время там рулил НШ батальона Витя Мироненко. А самый доблестный комбат после смерти Климова засел на ЦБУ и вообще не вылезал наверх. Даже по большому в туалет ходил в каску, за что удостоился персонального пинка под жопу от Рохлина! Рохлин и то иногда поднимался наверх и прогуливался по территории завода, а это чмо – никогда! Только в конце января, когда прекратились и минометные обстрелы, и снайперские вылазки, его выгнали с ЦБУ.

– Серега, я тебя просил – не ругайся с Соломахиным!

– А я не ругался!

– А кто его на х... послал?

– А кто мне со срачкой приказывал заступить на боевое дежурство? Это вообще как? Я ВКАЛЫВАЮ по 8 часов в день коммутаторе ЗАС ВМЕСТО его солдат и офицеров. Я даю каналы ЗАС ВМЕСТО его аппаратных. Я обеспечиваю дежурство на Р-142 ВМЕСТО его радистов. Я объяснил, что я не могу дежурить – а он «пишите рапорт!».

– Сереж, он комбат и по всем нормам я должен его поддерживать.

– И что, тоже будете приказывать больному на коммутаторе сидеть? Так вот пусть Соломахин и сидит вместо своих подчиненных! Ну ладно, это мы с вами поговорили по понятиям, кто что должен. Давайте теперь поговорим по закону...

– Чего?! Какому закону?!

– Обычному. Нашему, военному, бюрократическому закону. Вот моё командировочное. Здесь написано: место командировки – г. Кизляр. Цель командировки – обеспечение связи. Отметки о прибытии – нет. То есть я к вам не прибывал. Про прикомандирование к 8АК здесь тоже нет ни слова, ни строчки. Где приказ командира батальона связи о зачислении меня и моих солдат и офицеров в списки части в качестве прикомандированных? Где приказ о постановке нас на все виды довольствия? Где приказ на развертывание узла связи? Где схема – приказ узлу связи? Где приказ об организации боевого дежурства? Ничего нет. Вообще. Исходя из этого, Соломахин мне вообще не начальник. Он просто подполковник – на две ступени выше меня по должности и по званию. Если идти на принцип, я вообще могу свернуть свои машины и уехать. И ни один прокурор – ни военный, ни гражданский, мне абсолютно ничего не предъявит. Я этого не сделаю, вы прекрасно знаете. Но подчиняться этому ушлепку у меня просто нет сил. Вы мне лучше скажите, когда мне замену пришлют!

– Серега, телеграмму в твою бригаду за подписью Рохлина я отправил. Теперь все зависит от твоего комбрига.

– С нашим комбригом я буду ждать замены до ишачьей пасхи!

Эти слова оказались пророческими. Комбриг, прочитав телеграмму, заявил «Я Рохлина не подчиняюсь! А наш ко-

мандующий (42 АК г. Владикавказ) никаких приказов не отдавал!»

Ситуация вообще сложилась уникальная. Я числюсь в бригаде, которая входит в 42АК г. Владикавказ. Тот подчиняется СКВО г. Ростов-на-Дону. Корпус Рохлина подчиняется ОГ МО, которая находится в Моздоке, командует этой группировкой Квашинин. Кто кому должен приказать, чтобы мне прислали замену? Ответа не знает никто! Так мы и сидели – хренели до конца операции в Грозном.

Ещё одна дата намертво запечатлелась в моей памяти. Это было второе февраля.

** * **

Весь день начался наперекосяк. Сначала бойцы чего-то учудили, потом за коммутатором на смене всякие мелкие неприятности постоянно донимали. Сменился, пришел к себе в Н-18. Походил вокруг неё, посмотрел. Что-то на душе беспокойно. Вызвал водителя – «Отгони машину назад на 3 метра, чтобы морда из-за угла не торчала». Перегнали, запас кабеля позволял без отключения переставить машину. Сидим с Максом после так называемого обеда, кукуем. Приходит Юра Гнедин:

– Серега, Андрей не справляется на коммутаторе.

– Юра, а кто будет вместо меня с 16 до 20 сидеть? Если он сейчас не тянет, то что будет, когда пиковая нагрузка

пойдет? Я и так на вас батрачу по 8 часов в день, не считая своих обязанностей по закрытию и сдаче каналов, регламенту и всему остальному. Не справляется твой боец – сам садись.

– Я один механик ЗАС остался, мне и так никуда не выйти – постоянно что-нибудь случается.

– Юра, я тебе сказал я – не сяду за коммутатор! Предложи своему комбату поработать, он ох...но грамотный офицер, пусть покажет, как надо работать!

– Ты что, издеваешься?! Это чмо из бункера только газом можно выкурить! Макс, может, ты сядешь?

– Юра, я один раз сорвал переговоры Рохлину и за это копал яму для туалета. Повторять печальный опыт нет никакого желания!

Прошел час. Слышим такой конкретный БАБАХ! Что-то прилетело и довольно большого калибра, это не мина 82мм, что-то более серьезное. И тут еще один БАБАХ прямо рядом с нами во дворе. Выскакиваем на улицу.

У Р-440, который стоял рядом с нами и морда торчала из-за угла, как у моей Н-18, пока не переставил, кабина превратилась в дурилаг, а колеса в хлам. Стоял справа УАЗик буханка и Газ-66 – машины в хлам. Мы кинулись узнавать – нет ли раненых. Повезло, все живы. В машинах в тот момент никого не было. Возвращаемся обратно, а на ПМП суэта какая-то. Подходим и видим тело с головой закрытой

афганкой белого оттенка. Такая афганка была только у одного человека – Андрея Горячева. Мы уже понимая, что случилось, бежим на аппаратную Гнедина, где наш коммутатор ЗАС. А там п...ц! Снаряд попал в дерево на высоте около 8 м и осколки пошли сверху вниз. Фанера с фольгой плохая защита от такой напасти. Коммутатор в хлам, Андрюха – 200. Юра Гнедин весь в соплях, ничего не то, что сделать – сказать ничего не может. Хотя на нем – ни царапины! Он был в заднем отсеке – и на нем ни царапины! Всю связь начали переключать на соседнюю аппаратную (такую же) из Краснодарского полка связи. Начальник – пр-к Володя Зайцев. А мы пошли помянуть раба божьего Андрея. Помянули. Связи перекинули, запустили в работу коммутатор. Соединяю Рохлина – пропало питание блока, в аппаратной питание есть. Володя прибежал, заменил какой-то предохранитель, связь восстановил. Бежит Никифоров:

– Серега, что случилось?! Почему Рохлину переговоры сорвали?!

– Что-то здесь наеб. сь, а Зайцев потом исправил.

– Ты что, пьяный?!

– Нет, я же работаю. А по поводу пьянства – посмотрите на своего Гнедина. Он до сих пор лыка не вяжет. Лучшие думайте, кто вместо Андрюхи сидеть смену будет.

– А кто может?

– Из ваших – никто! Надо с Зайцевым говорить.

– Зайцев, кто у тебя может за коммутатор сесть?

– Да вот солдатик есть, большие никого нет.

– А ты сам?

– Мне здоровье не позволяет.

– А если я прикажу?!

– Вот Соломахину с Гнединым и приказывайте. Я и так на честном слове держусь. Мне надо в госпитале лежать, а тут в войнушку играю.

– Ну ладно, сажай солдата.

Закончилась смена где-то в 22 часа, пошли с Максом и Серегой добавили. И тут звоним в бригаду узнать новости, а там все уже на ушах стоят. Все знают, что связь ЗАС с нашим узлом пропала. И все знают, что на коммутаторе сижусь я с Максом. А Вадим Черняев на мой вопрос, ушло ли на меня представление на НС «Акварели» заявляет:

– Все нормально, Серега! Туда идет Сан Саныч, а ты будешь вместо меня!

Меня пережмуло и Остапа понесло. Дословно я привести разговор не могу, но я сказал, что эту должность я видел в гробу и белых тапочках, самого Черняева вертел на ...как шашлык на шампуре, Сан Саныч может идти куда хочет, а ему лучше задуматься о том, кто будет командиром роты, потому что я дальше служить не намерен. Он мне отвечал на том же языке, отчего у всей смены на узле связи повяли уши, а глаза вылезли на лоб. Окончательный разговор отложили до моего возвращения.

– Ну что, пацаны! Кинули меня, как лоха позорного!

– Шеф, что случилось?! Мы не все поняли из твоих матюков в адрес Черняева.

– Сан Саным идет на «Акварель», а мне предлагают должность начальника связи бригады.

– Так это же хорошо! Какой из него начальник связи бригады?!

– Пацаны, я после всех этих подстав вообще служить не хочу! Как пахать – так я, а как должность получать – так Сан Саным.

– Шеф, мы тут на ПМП солдатика видели. Из 81 мсп. Так он без ноги лежал, ожидая отправки в Моздок. Так вот он сказал, что ногу потерял в новогодний штурм. Их лейтенант взводный их бросил и они попали в засаду. Его посчитали мертвым и бросили, потом свои подобрал. Как ты думаешь, мы смогли объяснить ему, что не все офицеры сволочи? И что есть такие, как ты? Нет, он знает твердо – его бросил его командир. И все офицеры – сволочи и козлы! Мы тебе к чему говорим – ты хоть своих не бросай! А то придет дятел на роту – и п...ц!

Честно сказать, именно этот случай послужил одним из аргументов в пользу дальнейшего прохождения службы. Хотя желание кинуть рапорт на стол и послать всех на х... не покидало меня еще долго.

Соломахин выбрался из бункера. На ПУСе (пункт управления связью) собрал совещание. Я на смене дежурю. Приходит Юра Гнедин и рассказывает:

– Соломахин начал всех подряд воспитывать, а Володя Зайцев и говорит ему:

– Я бы вам сказал, товарищ подполковник, да вы обидитесь...

– Да ладно, говори!

– Что, при всех?

– Да, при всех.

И тут Володя произнес свою знаменитую фразу, которую я помню до сих пор:

– Если баранами командует орёл, то они становятся орлами. Но если орлами командует баран...

Все присутствующие офицеры поняли, что они орлы, а баран... Тоже все поняли.

Это чмо заткнулось и очень надолго. Но изменить свою сущность он, конечно, был не в силах.

Из всей Грозненской эпопеи мне очень сильно запомнилось вранье, которое извергали наши официальные власти. Это было вообще что-то. О том, что информационную войну наши проиграли с треском, хуже чем наши футболисты, знают все. Но видеть это вранье своими глазами – совершенно другое. Я уже писал, что при подъезде к Грозному мы видели наши бомбардировщики, итурмующие и бомбящие Грозный. А когда открыл газету, то оказалось, что никакие самолеты Грозный не бомбят. И вообще войны в Чечне нет, есть наведение конституционного порядка. А какой объект разбомбили в первую очередь, не дожидаясь подхода

наземных войск? Это был местный филиал Госбанка! Наверное, там больше всего чеченцев сидело.

А в Грозном на Рождество взял газету (сейчас точно не скажу, то ли Труд, то ли Известия) и ох...л! Общее впечатление «почувствуй себя карателем в Белоруссии в 1942 году». Мы, оказывается, истребляем мирных чеченских жителей, зверски расправляемся со всеми подряд, невзирая на пол и возраст. Всех женщин насилюем всей толпой, не снимая лыж и автоматов. Это при том, что мирных чеченцев в Грозном с середины декабря не было. Все чеченцы и их семьи разбежались по кишлакам и аулам, в Грозном остались только боевики и русские, которым было некуда бежать. Основные тезисы статьи:

– Ельцин по сравнению с Дудаевым – пигмей;

– Все русские солдаты – преступники, которые истребляют мирных жителей;

– Все летчики, которые бомбят горные аулы – параноики, потому что отстреливают ИК-ловушки. И с таким сарказмом вопрошает «А вдруг у кого в ауле «Стингер» в сарае завалился?» А вот когда я ехал из Грозного на своей Р-142 и видел остовы сгоревших вертушек и СУ-25, у меня был вопрос: а из чего же их сбили? Я подозреваю, что из тех самых «Стингеров», которых в сарае ни у кого не было;

– Самый лучший представитель чеченского народа – это Сергей Адамович Ковалев, который заявил: «Если вам нужен Грозный, пусть берут его вместе со мной – депутатом Гос-

думы!»;

– Войну надо прекратить, чеченцам выплатить компенсацию за разрушенные дома и моральный ущерб, военных отдать под суд, желательно в Чечне, и предоставить Чечне полную государственную независимость.

У меня после таких журналистских экзерсисов появилось огромное желание вдумчиво побеседовать с ними на предмет патриотизма и простой порядочности. Я понимал, что статьи заказные и оплаченные, но я не мог понять, почему власть допускает эти обливания грязью своих солдат, которые выполняют её, власти, приказы.

В начале февраля активная часть наземной операции закончилась, 20 мсд 8АК начали отводить в Толстов Юрт, а мы так и стояли на консервном заводе. И тут нас решил посетить Начальник Войск Связи СКВО генерал-майор Ляскало Николай Петрович. С ним, естественно, прибыла его свита. Покровский в своей книге «Расстрелять!» очень точно дал название таким сопровождающим «Подшакальники. Служба в штабе с 9.00 до 18.00 и два выходных в неделю». И тут мы нарисовались. Внешний вид: шапка без кокарды, борода 2-х месячная, черный свитер, бушлат без звездочек, штаны-афганка и сапоги. Все мои офицеры выглядели точно так же, но без бород. Ляскало шествует по дороге, прошел мимо нас и бросает в пространство вокруг себя фразу: – Это чей такой бородатый здесь находится?

Подшакальники молчат, кроме Никифорова меня никто

не знает, а его с ними не было. Я не выдержал и в спину уходящему генералу:

– Буйнакский, товарищ генерал!

Ляскало замер на месте, развернулся и подошел к нам.

– А я вас знаю, вы хорошо тут поработали! Я бы с радостью вас отпустил домой, но таких аппаратных Н-18, как у тебя, в округе очень мало. Она понадобится в дальнейших боевых действиях. Поэтому надо подождать замену из бригады, чтобы ваши люди на вашей технике работали. А остальных можно уже отпустить.

Я переглянулся с Серегой и Максом и отрицательно покачал головой:

– Нет, товарищ генерал, мы уже все вместе поедem домой.

– Ну как хотите. На обратном пути заедешь в Моздок и оформишь наградные листы на себя и всех офицеров. А почему небритый?

– Говорят, бриться до приезда домой – плохая примета.

Генерал Ляскало, задумчиво глядя в кроны деревьев, хлопает себя по выбритой до синевы щеке:

– Себе, что ли, бороду отпустить? Так боюсь, командующий не поймет. Чистяков, ты все понял по награждению?

– Так точно, товарищ генерал!

Все ушли, а мы через несколько дней перебазировались на аэродром «Северный» где ждали замену в лице Андрюхи с тремя солдатами. С Максом я пытался говорить на тему

его отношений с женищиной-военнослужащей с нашего узла:

– Макс, на хрена ты с ней связываешься?

– А что такого? Нормальная девчонка!

– Макс, она работала еще в дивизии на узле связи. Там русских офицеров было в два раза больше, чем сейчас в бригаде. Почему она не вышла замуж?

– Да откуда я знаю?!

– А почему она к тебе воспылала любовью с первого взгляда? Ну, не считая того, что кинула Андрюху?

– Шеф, я не знаю. А ты можешь сказать, почему?

– У Андрюхи ничего нет. Ни квартиры, ни машины. Как у латыша: х... да душа. А у тебя квартира в Краснодаре уже есть. Даже если уволишься из армии – угол есть, в большом городе. Работу ты себе всяко найдешь. Можно жить – поживать, да добра наживать.

– Ты что, считаешь, что она со мной замутила только из-за квартиры?!

– Макс, ты молодой, видный, красивый парень. А если к этому еще и квартира прилагается, то почему бы и нет?

– Ну не знаю. Приеду, буду к ней ходить, обедать её.

– Макс, ты что, не понимаешь, чем твои объедания закончатся?

Вот так, примерно, я пытался раскрыть ему глаза, но особого успеха не имел. Дальнейшие события показали, насколько я был прав. В 1996 году Макс уволился из армии после очередного отказа ехать в Чечню. Они уехали в Красно-

дар, она родила ребенка. А Макс нашел другую.

На аэродроме «Северный» мы вообще ничем не занимались. Тупо сидели, лежали и ждали замену. Я очень любил гулять по кругу. Где-то 400 м получалось на круг. Так и гулял по кругу. Иногда пристраивался или Макс, или Серега. И вели неспешные беседы. Тема была одна: когда придет замена. К питанию мы подключились, но связи у нас не было. Один раз по пути в столовку решили подурачиться. Взяли корпус от гранаты (взрывчатки там уже не было) и идем, пиная её между собой. Навстречу идет очень важный полковник. Как увидел, что мы пинаем, заикаясь, спросил:

– Ребята! Вы что делаете? Это же граната!!! Она взорваться может!!!

Макс сделал рожу пятилетнего дауна и радостным голосом:

– А у нас еще одна есть!

На «Северном» мы заверили свои командировочные в комендатуре Грозного, отметили справки участников боевых действий. А наградные листы надо было заполнять в Моздоке, в Грозном их бланков не было. Зато я увидел, как подполковник Седов из отдела связи СКВО, не успев сойти с трапа самолета, поскакал в комендатуру подписывать командировочное и визировать наградной лист на Орден Мужества. Я уже тогда начал подозревать, что мой орден меня не найдет, потеряется где-то по пути или наверху. Как всегда, я оказался прав.

Во время стояния я подружился с начальником ремонтных мастерских связи 8АК капитаном Олегом Ваниным. Мы жили в аппаратных у себя, а его солдаты жили в большой палатке.

Сидим себе мирно, никого не трогаем. Слышим БАХ! На слух определить не удалось, что взорвалось. Для мины – слабо, для выстрела – тихо. Непонятно, короче. Выскакиваем их аппаратных, возле палатки суета. Смотрим – двоих потащили в госпиталь, благо он рядом был. Начинаем разбираться, что случилось. Оказывается, один имбецил (дебила он явно переплюнул), достал разрывной патрон 14,5мм и начал его курочить бокорезами. Патрон, естественно. Взорвался у него в руках. Он – 200, а пацан, который к нему подошел – 300. Его спасли, несмотря на то, что ему зацепило осколком сонную артерию на шее. Что значит – судьба.

Но самое интересное, что на следующий день, просунув морду в задний отсек, я увидел Сырцова, который сидя на стуле, увлеченно курочил бокорезами взрыватель от РГД. Тогда я поверил, что антигравитация вполне достижима. Меня приподняло над матрацем и не отпускало до тех пор, пока взрыватель и бокорезы не выпали у него из рук. А уж что я кричал и как долго, я просто не помню. Но Серега с Максом, прибежавшие ко мне в аппаратную, сказали, что такого жуткого рева в жизни еще не слышали. Сырцову наступали по ушам, а я сказал своим толстолобикам:

– Если вы хотите покончить жизнь самоубийством, у

меня никаких возражений нет. Приедете после дембеля домой – делайте, что хотите. Хотите – вешайте, хотите – стреляйтесь, хотите – топитесь, мне все равно. Но тогда отвечать за свою дурь будете вы сами, а не я, ваш командир. Я не хочу смотреть в глаза вашим родителям и говорить, что это я не уследил за вашим сыном. Это я не смог его уберечь. Это я виноват в его смерти. Я обязан сдать вас родителям живыми и здоровыми. И если для этого понадобится набить кому-то жопу или морду – я это сделаю без всяких колебаний. А потом дома будете жаловаться на меня родителям.

Но все когда-нибудь заканчивается. Закончилось и наше сидение в Чечне. Приехал Андрюха, мы сдали ему аппаратную, сели:

в Р-142 Пух за рулем, я старший, в кузове все солдаты. В П-256 за рулем Коля, рядом Серега и Макс. Мы двинули на Моздок.

* * *

Очнулся.

Голова чумная. Взгляд на электронные часы на руке.

С ума сойти! Третий час, а я, вроде, и не спал. Вот же, как задумался!

В последнее время и не пил то потому, что здоровье ни к чёрту. Выпьешь и заснуть не можешь почти до утра. Но

сегодня поспать надо, а то завтра буду выглядеть, как зомби. Раз уж пока не сплю, то аккуратный поход на кухню и туалет. Попить и наоборот, причём стараемся не шуметь, чтобы не разбудить необычного гостя.

А вот теперь можно и поспать, только опять в воспоминания не сорваться, а то точно завтра на зомбяка похожим буду.

Пролежав с полчаса с постоянно открытыми глазами, вспомнил, что забыл открыть форточку, и встал. Жена всегда открывала её на ночь и приучила спать со свежим воздухом.

Снова лёг, закрыл глаза и тут же понял, что выпитое не даст спокойно заснуть. Опять встал, снова сходил в туалет, лёг, закрыл глаза, открыл их и с тяжким стоном, причитая:

«Бли-и-ин, как же достало, когда я перестану забывать об этом?!» – потащился на кухню за стаканом воды. Обычно, бывшая приносила нам обоим воду на ночь и ставила её на прикроватные тумбочки.

Зайдя на кухню, я увидел в тёмном окне свой силуэт.

Подбоченился, втянул живот, принял позу культуриста, напряг мышцы и полюбовался собой. В окно на меня насмешливо смотрела большая круглая луна.

Я сдулся и подвыл ей, как одинокий волк, но тихонечко, боясь разбудить квартиранта:

«У-у-у».

Стало тоскливо и холодно.

Набрал воду и, стараясь не расплескать её, в три прыжка преодолел расстояние до кровати, быстро поставил стакан на очередную табуретку, юркнул под одеяло с головой, свернулся калачиком и замер, пережидая дрожь.

Вспомнил, как в детстве согревал своим дыханием пространство под одеялом. Я глубоко вдохнул через нос воздух, ненадолго задержал его в лёгких и медленно выдохнул через рот. Стало тепло. Я высунул нос из-под одеяла и вскоре стал проваливаться в сон.

Сознание куда-то уплывало, а вот потом пришёл он, сон, вот только что-то он не дал того долгожданного успокоения.

Вначале снился взволнованный сосед и его сынок...

Опять на телефоне висит.

– Сынок, это ты! – радуется Пётр, и я почувствовал, как дрогнул у него голос. – Привет!

– Привет, пап! Ты что это? У тебя все в порядке? – обеспокоенно спросил сын, чутко различив непривычные ласковые ноты в голосе отца.

– Да, сынок, все в порядке!

– Уверен?! – недоверчиво спросил сын.

– Да, сынок, уверен! А ты как?

– У меня все в порядке! – ответил сын.

– Точно? – спросил Пётр.

– Да, пап!

– Ну, хорошо, сынок.

– Ну, ладно! Пока, пап!

– Пока!

Пётр посмотрел на погасший экран телефона и ухмыльнулся, и я понимал его:

«Долбанные американцы, спасибо вам за ваши долбанные диалоги! Хоть как-то с сыном отец смог поговорить!»

А после паузы, потрясая перед собой телефоном, уже я обратился через стены и океаны к другому континенту:

«И за айфон, вам, тоже спасибо, американцы!»

А у меня в руках такой же телефон, как у соседа...

И я, убедив себя, что посмотрю только снимок любимого пса, все-таки решился открыть «Фотографии».

Вот он – Фил!

– Друг, не грусти! Скоро поедем с тобой в отпуск на Ахтубу, на рыбалку! Помнишь, как там здорово было?!

На фотографии на заднем плане стояла бывшая. Я увеличил фотографию так, чтобы лучше рассмотреть её. Симпатичная. Да и баба хорошая. Действительно, хорошая! И почему так всё произошло?

А дальше мне снилась рыбалка на Ахтубе.

Раннее утро. Мы с женой и детьми скользим на моторке по тихой воде, а на берегу, растворяясь в розовом тумане, нас ждёт трёхмесячный верный Фил. Родная опустила руку в воду и смотрит, как она разрезает водную гладь. Маленький сынок боится, что маму укусит большая рыба, и просит её вынуть руку из воды, а доча только смеётся в ответ, смотря на маму, и тоже старается перегнуться через борт и достать

рукой воду. За что получает от меня лёгкий любящий подзатыльник. Мне, реально, за неё было страшно.

Я управляю лодкой и улыбаюсь. И впереди у нас есть ещё несколько счастливых лет...

Глава вторая

Пробуждение не назовёшь сегодня приятным. Во рту кака. Голова немного шумит и глаза слезятся. В ушах шум...

Или мне это просто кажется? Да нет, кто-то шурудит у меня на кухне.

Воры?! Как очумелый вскакиваю с постели на ноги, стакан, с так и не использованной водой, падает на пол, делая расплескавшуюся водяными брызгами лужу, и тут до меня доходит... я же дома не один!

Тут же падаю жопой на кровать и стараюсь прикрыть своё, не столь сильно, как раньше, накаченное тело. Скорее, расквашенное пивом и печенюшками. Вон, сколько добра собрал.

Взгляд на часы на руке. Вот это да! Почти час...

Видно услышав, что я тут заворочался, да и упавший стакан звуки соответственные издал, в проёме комнатных дверей появилась чем-то очень довольная фигура куратора.

– Ну, ты и спать горазд! Я уж тебя будить чуть ли не собрался. Вон и наше место вчерашнего преступления убрать успел и вообще, в квартире прибрался, всё-таки у тебя через час гости очередные намечаются.

Я сделал круглые глаза.

– Какие гости?! – удивлённо спросил я, прокручивая в воспоминаниях, что же вчера происходило? Вроде, не слишком вчера нализался, чтобы чего-то важное упустить.

– Не тут. Давай, вставай и в ванную. Да и душ прими. Помойся и зубы почистить не забудь. – поморщился Иваныч – я за завтраком всё тебе объясню. Я тут уже успел с утра и в магазин сгонять и в гараж к тебе наведаться, но всё потом. Марш на утренние, вернее уже дневные, гигиенические процедуры, и не забывай, для разговора у нас, не так уж, много и времени остаётся. Не задерживайся...

Я чумной и непонимающий, откуда очередные гости нагреть должны, откуда они вообще взялись, прихватив полотенце и чистые трусы с майкой, скрылся в санузле.

Не знаю, что там по времени, но минут пятнадцать я точно плескался под горячими струями воды.

Довольный, распаренный, в одних трусах, под насмешливым взглядом Иваныча, продефилировал на кухню. Чего мне его стесняться? Всё-таки я пока ещё у себя дома нахожусь, а не в гостях, хотя, как посмотреть, кто тут у кого в гостях, а кто хозяин.

– Будет дама, а они непредсказуемые – может через десять минут нагреть, а может и на три часа немного задержаться в магазине. И поверь, это именно тот случай.

– Дама?! – поразился я, поджав на ногах пальцы, как бы их разминая.

– Да, а потому, либо шорты для приличия одень, а лучше...и я тебе это настоятельно рекомендую, как я.

– В костюме?! – поразился я.

– Ну, не так чтобы официально, но по приличней, точно.

На улице, если ты не заметил, конец марта, но в приморье в этом году тепло. Так что...

Я, качая головой, думая, что там ещё за напасть по мою душу готовится, пошёл одеваться. Когда куратор советует, то стоит к его словам очень серьёзно отнестись. Мало ли кого и зачем он сюда пригласил? То, что это его рук дело, и так понятно, а вот зачем...

Но, до зачем, дело так и не дошло пока я не оделся, и мы не позавтракали, а кое-кто и пообедал. Вот, под чай, и пошёл у нас уже серьёзный разговор...

– Гадаешь, что за фифа сюда нагрянет и зачем? – почти смеясь, спросил меня куратор.

Я, в ответ, только на стуле задницей поёрзал, чувствуя, что именно она и настаёт.

Иваныч улыбнулся.

– Ты, и правда, подзапустил себя. Ни стимула к жизни, ни цели. Мне, честно, пофиг. Сдохнешь – нам же проще. Но, коль я уже тут, то просто так оставлять все дела именно так, не намерен. Не в моих это правилах, а тут с утра интересные известия по моей линии прошли. Но пока ничего обещать не могу. Не в моей компетенции влиять на таких особ.

– Насчёт чего влиять? – не понял я. – И чё, что я себя запустил? Легко говорить тому, кто никогда не был в таких жизненных ситуациях. – Обиделся я, понимая в душе, что куратор прав. Я стал словно животное.

Поспал, посрал, пожрал, иногда потрахался, ну ещё побу-

хал под настроение со знакомыми, которых друзьями язык не поворачивается назвать. Вот и весь распорядок жизни. Ну, сдуру, на работу вахтёром устроился. Что-то более интересное не найти по нынешним временам. Работы нет. Да и возраст – куда не кинься, везде до сорока, и то не всегда. Нужно, помоложе работников. Я ведь инженер, связист, с техникой, что связи, что автомобильной на ты, а тут... да и не давали мне тогда, нельзя было в серьёзные фирмы прорваться. По зоне, конечно, никакой информации, я для работодателей не светил, но вот ненавязчивый контроль со стороны ФСБ влиял. Знаю, что влиял. Я тут в одну фирмочку едва не устроился. И по специальности и зарплату обещали отличную, по нынешним временам. Да вот одна загвоздка – головной офис компании в США был и учредители тоже. В общем, заставили отозвать оттуда своё резюме. И ещё одна причина была, что я почти не работал, а жил на одну, по сути, пенсию. Ну, не хотел я на постороннего дядю корячиться. И очень не хотелось мне идти на руководящие должности, особенно самых низших, типа мастеров и бригадиров. Ответственности за людей – море, зарплаты – никакие, и вечно во всём виноват. А частники тоже люди, и им свойственна чванливость и звёздная болезнь. Кто-то рассказывал, как в Испанию ездил и там в кафе заходил. Очень удивился, что ему прислуживал сам владелец. Там нет, практически, разности меду работником и владельцем предприятия. Обычно, работают все наравне. А вот у нас... нос задерут, пальцы ве-

ером, зубы шифером. Сам в кредитах и долгах, но строит из себя не понять что. В общем, противно, а государственных предприятий в Приморье осталось всего ничего. На железку не попасть, да там уже давно ОАО..., а в других организациях платят копейки.

Рынок труда в Приморье никакой, в принципе, как и по всей России. На вахту, разве что, на севера рвать, но не в моей ситуации, да и здоровье уже не даст, да и если посчитать, то те же деньги получаются, из расчёта за каждый месяц, что работы, что отдыха межвахтенного. Но всё-таки основная причина почему я не работал – не хотелось вновь спину на частного гнуть и терпеть его закидоны.

Видно, видя, что я и сам себя затюкаю, куратор смягчился.

– Про ситуацию с тобой говорить не буду, вчера всё обсудили, а вот про гостью скажу. – Иваныч тепло улыбнулся, видно припомнив что-то забавное, связанное с будущей гостьей... – она, мягко говоря, интересная и забавная. При этом опасная, как кобра.

Я удивлённо уставился на него.

– Нет, ты неправильно понял, я к ней, как к другу и хорошему профессионалу отношусь. И такое, знаешь ли, в нашей среде бывает. Она для меня, ну, как сестрёнка, но бедова-а-я!!! Здесь оказалась случайно. Её на отдых отправили принудительный, а она не на Байкал поехала, а сюда, к подруге детства рванула, а та, куда-то умотала. Не созвони-

лись, и вот теперь результат. Сегодня мой руководитель звонил, спрашивал, как у нас с тобой дела, ну и между делом попросил присмотреть за проказницей. Она тут немного набедокурила и теперь в отсидке. Не выездная, как и ты. Вот и хотел её попросить присмотреть за тобой. В прямом и переносном смысле. У вас естественно, будущего нет, у ваших возможных отношений. И вообще, последнее слово за ней. Не понравись, и начальство не сможет заставить. Вот такой своеобразный сотрудник. Но мне это было бы удобно. Ты за ней присматриваешь, она тобой и твоим имиджем занимается. Санаторий, это и любовные истории, и я тут подумал, что было проще к тебе приставить даму. Была мысль, и вообще, позвонить поместному телефону, «волшебный» номер которого я тебе потом скину. Я уже хотел это сделать, и даже в Океанский позвонил, чтобы на два месяца для супружеской пары места забронировали, причём, не абы какие, а люксовые. Цени! Тут такое дело, два месяца придётся тебе пожить во Владивостоке. Раньше, всё намеченное, мне просто не провернуть. Думаю, потерпишь, да и деньги у тебя теперь имеются. В мае вернёшься. Но путёвок вам придётся покупать три комплекта. Там по двадцать одному дню максимальный период лечения. Но для нас идут на уступки. Всё равно платить за всё тебе.

Возмущаться бесполезно. А ловить отношения там, на месте, смысла нет. Если кто попадётся, то, как в том кино «тем, кому за тридцать», притом далеко за тридцать. Из этого кон-

тингента девочки будут. Нет, в другое время я бы, наверное, таким отношениям со взрослыми дамами был бы рад, но не сейчас это уж точно. Хочется, и правда, насладиться жизнью, а что даёт жажду к жизни, как не молодое, красивое женское тело. Пускай и немного резиновое. Растопим... деньги есть, не солить же их, в самом-то деле!

Видя, что я немного приободрился, куратор продолжил:

– Ты не боевик, и я её предупрежу, чтобы поосторожней себя с тобой вела, если у вас сейчас всё срастётся, потому постарайся произвести на неё впечатление, хотя у тебя такой вид... – Иваныч поморщился, – что, по-моему, твои шансы равны нулю, если честно. Она девушка с запросами и провозглашает идею свободных отношений, но при выполнении задач никогда не прыгает по постелям. Если ты её объект охоты, то ничего можешь не бояться. Скажу по секрету, на татами я для неё выступаю только в ранге ученика, а в стрельбе... и подавно. А я считаю себя очень опасным противником. А потому, если что произойдёт, какие-то разборки, то скромно стой в сторонке. Больше мешаться будешь. Хотя, по её виду и не поверишь, ну сам скоро увидишь, что за сокровище к тебе в руки может попасть на эти два месяца.

Что-то я очкую. Ну не люблю я женщин подобного типажа. Ну, уж нафиг! Но отказываться сразу не буду, чтобы Чапая не нервировать. Мне с него ещё обещанные ништяки стясти надо и при этом остаться в живых.

Звонок домофона.

О! Вот и гости, видно.

– Я встречать, а ты настраивайся, – усмехнулся очень довольный Иваныч. – Пойду встречу, да и поговорить мне с ней немного надо без тебя. Может, удастся повлиять на её решение сразу тебя не шинковать.

Я скривился.

– Иваныч, а может ну его, а? Я как-то не привык связываться со сводниками. Уж прости, за сравнение. С этим делом я думаю и сам разберусь. А девочка себе кого и помолже и покрасивее найдёт. – я уже закусываю удила, – так что, мне похер, выберет она меня или нет, я и сам в состоянии сделать выбор, а потому не гони. Надо – иди общайся и приглашай – попьем чайку. Мне бы и вовсе похмелиться не помешает, хотя никогда почти этого не делаю, но видно вчера в охотку конины перепил.

– А как до Владика доберёшься? – удивлённо, спросил Чапай.

– Завтра поеду, не принципиально, ведь? Раз уж мне там два месяца отдыхать. Да и сумки пойду собирать. Много не возьму, конечно, с собой, да и прикупить надо многое, я пообносился сильно. А потому, давай так. Я спать – после завтрака, тобой приготовленного, разморило что-то, несмотря на разговор. Ты тут пока командуй и гостью спровадь. Хочешь, можешь пожить, по факту, квартира и так ваша. Я не претендую. А я реально отдохну, всё-таки вчера не спалось, и только в четвёртом часу отрубился. Но конина и моё здо-

ровье, оказывается уже не совместимы. Пойду сил набираться. Комп я забираю, и наушники у меня есть, так что зал в вашем распоряжении.

Иваныч, удивлённо смотрит на меня.

– Даже не хочешь взглянуть на гостью? – спрашивает он.

Я покачал головой из стороны в сторону.

– Нет, эти эксперименты без меня. Судя по твоему рассказу, это не мой типаж женщины, с кем бы мне хотелось просыпаться по утрам. А молодость... конечно хорошее дело, но пойми меня правильно, я жить по новой начинаю и лебединую песню петь мне ещё рано. Я так думаю. А раз ничего у нас не может быть, то зачем и начинать? Ей развлечение, а мне страдать? Уж лучше тогда, и правда, со звонка девицу беспроблемную вызвать. Ей колечко купил – она и рада, и отрабатывает. Цинично, конечно, но такова жизнь. А такую... я чувствую, такое испытание для меня окажется последним. А потому, давай..., вон уже стучатся, встречай, а я отдыхать...

Не знаю, что на меня нашло? Ведь, реально, хотел обратного, а тут... Ну, не люблю я, когда женщина и умнее, и сильнее меня. Уж в чём-то я должен быть лучше. Разве что, толще. Хотя и побольше меня экземпляры можно найти, которые будут совершенством для некоторых. Был у меня по молодости такой друг, он любил обнять необъятное, а вот меня, увольте. Сам найду. Я не урод, да и деньги есть и с машиной разберусь, а пока хватаем комп – и в спальню. Форточ-

ку прикрыть, а то сдувает. В Уссурийске сегодня прохладно довольно, хотя и конец марта. Приморье, обычно, уже к этому времени, от снега очищается, но не факт, год на год не приходится.

* * *

И полчаса по нэту не полазил, срубил. Ничего не снилось, но вот проснулся, как-то резко. Привычка тут же на часы смотреть – не густо, всего час удалось поспать. Можно было бы и поваляться, но вот что-то приспичило по-маленькому.

Так, у меня, вроде, гости должны быть! Но за стеной тишина, значит, увёл Иваныч гостью. Жаль, конечно, но такие вводные, я боюсь, не переживу.

Босыми пятками встаю на прикроватный коврик. На мне майка-удавка «прощай молодость», к тому же, доходит только до низа живота. Выскочил из размера...

Семейники, главное, что чистые и не рваные. Волосы взлохмаченные и лицо, чувствуется оплыло после сна. Вон, вся подушка в слюнях. В голове – бодун. Надо, надо было похмелиться, болит, зараза, хоть и кость, вроде. Откуда в голове российского офицера мозги? Там по определению – сплошная кость. Не мой перл, хватало у нас высших офицеров с юморком, чисто армейским.

Почесал пузо, спросонья немного потянулся. И, как танк,

с одной целью добраться до туалета, с ходу открываю двери в зал и застываю в дверном проёме, удивлённо взирая на чудо, что, вольготно поджав ноги и забравшись на диван, тоже с удивлением рассматривает мой, весьма непрезентабельный вид, своими красивыми большими глазками.

– Здрасти... – пропищало создание.

Я окинул взглядом неучтённую квартирантку...

А ничего себе так, особенно, когда на ней из одежды топик, едва сиськи прикрывающий, и шортики, типа трусики с кармашками. Топик белый, и под ним больше ничего, так как явно сосочки просматриваются. А шортики синенькие. И ещё эти носочки, по новой моде с укороченным верхом.

Губки правильные, пухленькие. Накаченные видно, с помощью современной косметической операции или уколов. Ну, я в этом точно не рублю. Но явно не её естественный первоначальный вариант, что мама с папой дали.

Носик прямой, тонкий. Глазки – огонь, и усмешка в них застывшая. Наслаждается моментом, сучка.

Волосы длинные, прямые, в хвост убранные. Нарощенные, наверное, и цвет такой, жгучей брюнетки. Кавказский вариант, однозначно. Там всех блондинок сразу в бляди записывают. Знаем, сталкивались.

Сама загорелая, по цвету кожи рук видно, да вот и живот открыт и явно со следами ровного загара. Хотя, может мулатка, но думаю, что недавно из жарких стран приехала. У нас такой вид можно получить только в солярии. Пупок в

нескольких местах проколот всякой бякой...

Жуть. Пирсинг называется. Но смотрится, если честно, неплохо... Хороша, зараза!

А цвет глаз с такого расстояния не рассмотрел – слепой, как крот. Все собутыльники по гаражу удивляются, как я с таким зрением за руль сажусь без очков.

– И тебе не хворать! – в качестве приветствия, шепчу обескуражено я.

Зажиматься или хотя бы одёргивать короткую майку, которая на моём пузе тоже смотрится, как вытянутый топик, смысла нет.

Что там говорил Иваныч о том, чтобы произвести впечатление на гостью? Думаю, я на неё произвёл НЕИЗГЛАДИМОЕ впечатление, но вот смотрю, что вот-вот рассмеётся и есть с чего.

– Ты уже проснулся, – и тут добавила такое! – ПУПСИК? Я даже от возмущения, едва не закашлялся.

Потом очнулся и зло произнёс:

– Ещё раз так назовёшь – покусаяю. – и уверенно направился туда, куда и собирался. И только услышал, в спину кинутый, ответ:

– Как скажешь, котик!

«Зараза!!!» – едва не зарычал я.

«И как теперь вести себя?» – думал я, усевшись на горшок. Переодеваться? Так всё более-менее пристойное в шкафу, а шкаф-то у нас именно в зале расположен, как раз на-

против дивана.

«А ну их всех!» – взорвался мысленно я.

Я тут пока хозяин и вести себя буду, как ни в чём не бывало. Бельё на мне чистое. Вонять не воняю, помылся всё-таки. А коль не нравится, как я выгляжу, так ради бога, я её сюда, уж точно, не звал.

Помыл руки, вытер о полотенце и, выйдя из ванны, первым делом направился на кухню. Точно помню, что видел початую бутылку конины на столе.

О, точно! Вот она, родимая!

Беру пару фужеров, заботливо вымытых Иванычем и без закуски, всё также почти в неглиже, дефилирую в зал.

– По капельке? – Сходу спрашиваю я, свою неожиданную гостью. – Чем, вообще, обязан?

Ставлю на придвинутый ногой табурет бутылку с фужерами и нагло, уверенно, как хозяин, устраиваюсь с другого конца дивана, правда с моим брюхом поджимать под себя ноги чревато. Удивление на лице девушки, граничащее с изумлением, но вот раздражения, или чего похуже, пока в них нет.

– А одеться, чтобы при даме сидеть в соответственном прикиде, не судьба? – с издёвкой в голосе, спросила дама.

На что я, наглым взглядом прошёлся по её, не менее оголённой фигуре, и спросил:

– Точно такой же вопрос и к вам, но в принципе, пофигу. Так чего у меня делаете-то? Я, вроде, вас не вызывал?!

А вот тут, я явно попал на что-то больное. Вон, как раз-

дражённо и даже зло блеснули глазки у девицы.

– Котик желает семейного скандала? – выдала она такое, что я просто прирос к месту.

– Семейного? – поразился я. – С какого это перепуга?

Девушка зло сощурилась:

– Ну, раз мы по-семейному при даме в семейниках расхаживаем и коньяк предлагаем с возможным продолжением, то как по-другому? Впервые видим друг друга и такие интимные подробности сразу!

Я плеснул в фужеры немного коньяка, девушка же вновь взяла в руки свой айфон. Что-то там демонстративно смотрит и, вроде как, не обращает на меня внимания. Но я был не прав. Интерес есть, только вопрос, с чего бы это?

Молча опрокинул в себя дозу и довольно крикнул.

– Так чем обязан? – опять задал я вопрос, который меня сейчас, если честно, больше всего волновал, всё-таки девушка мне очень понравилась. Да и удивительно было бы, чтобы такая красотка и не понравилась, к тому же, молодая красотка.

Но понимаю, что это сокровище, уж точно, не для меня. Хотя, чего она тогда тут ошивается? Да ещё без моего разрешения? Всё-таки, пока я тут проживаю.

– "Хочу замуж за богатого и заботливого! Хочу замуж за лидера! Хочу, чтобы будущий муж был сильным, успешным, процветающим! Хочу, чтобы был богатым, развивающимся, без вредных привычек!" – выдаёт дама.

Я уже вообще ничего не понимаю...

– А я-то тут причём?! Явно претензии не по адресу! – про-obleял я – Тем более, я уж точно, жениться не собираюсь! – уточняю.

– Вот все вы такие! Девушку хотите, чтобы она была красива и в постели супер, а вот обязанности на себя брать ни в какую! – типа, обиделась, но по поведению понятно, что просто прикалывается.

Что там Иваныч о ней говорил, что бедовая, нет не так – БЕДОВА-А-А-Я!!!! Похоже, что это несколько преувеличено. Она явно не в себе!

Я опасливо отодвинулся подальше от душевнобольной.

– Если вы всё это обо мне, то зачем «Вы» нужны богатому, успешному, развивающемуся, без вредных привычек и духовно богатому? – спрашивая явно нарываясь.

– Про духовно я не говорила, но и так сойдёт, принимается, давайте и духовно богатого. – продолжает дурачиться девушка.

Я же только усмехаюсь. Читал недавно в нэте пургу какую-то на этот случай. Там дамы тоже хотели всего и сразу, а взамен... дорогую СЕБЯ!

Те-то точно больные, но это другие, эта же явно не пустышка! Оперативник, причём уже с опытом, несмотря на молодость и почти детский видок.

Я же усмехаюсь. Интересный разговор начался...

– Ну, раз у нас пошла такая полемика, то вопрос. – гово-

рю я – Отношения – это всегда обмен. Если мужчина даёт Вам деньги, статус, положение, делится хорошими качествами, ведёт Вас путём духовности, то что, как женщина, можете предложить ему Вы? Что взамен-то? Чем рассчитываться будете?

Сморщенный носик. Помахивание в руке телефоном, взгляд на меня такой снисходительный. Явно включён режим «Блондинка Обыкновенная».

– Я вообще-то красивая, стройная, умная. У меня хорошее образование. Я самодостаточная женщина. Бесподобна в постели, и никто не сравнится со мной в умении довести мужчину до внеземного наслаждения. Про квартиру, работу, деньги и машину, и всякую материальную ерунду я и говорить не буду. Меня все хотят. Потому что я – совершенство! Вот скажи, только честно, ты меня ведь хочешь? В мыслях уже не раз и не два меня в разных позах...

Что именно «в позах» не уточняет. Да и к чему говорить очевидное?

Я пожимаю плечами.

– Будь на твоём месте сейчас любая женщина самой древней профессии, опытная куртизанка или там наложница, проститутка, наконец, особенно валютная, которые за собой следят, а таких большинство, то вопрос некорректен. Я бы и их хотел. Если оценивать только по этой шкале, то, увы, дорогая, тебя «сделает» любая из них! Прости, но всё познаётся в сравнении. Кто-то лучше, кто-то хуже. Кто-то лю-

бит пышных женщин, кто-то тех, кто постройней. Кто-то маленьких, кто-то высоких, чтобы как ты – ноги от ушей... А насчёт красивая, стройная, умная... – мы живём в России, а это страна красивых женщин, у нас их... дохрена. Красота не выделит тебя из толпы, для того же меня! Внимание обращу на тебя, без вопросов, но, чтобы Ах! Уж уволь, и покрасивее есть и таких тысячи. Особенно, у нас, на Дальнем Востоке. Тут такое перемешивание кровей, что мама, не горюй! Куда ни кинь взгляд, вокруг одни красавицы. Ты по улицам того же Уссурийска пройдишь, когда по весне потеплее станет и девочки в капрон запрыгнут и мини нацепят. На машине по городу становится сложно ездить. А ты тут мне втираешь, что красивая? Не смейся. Это уже не дефицит. Таких у нас навалом. Мы не на загнивающем Западе живём, где всех потенциально красивых женщин на кострах инквизиция жгла, что солому, как ведьм. Стройность? Стройных, таких как ты, в России большинство, здесь ты опять можешь не выдержать конкуренции. Ты такая одна, среди многих! А про умную, я и вовсе молчу. Нашла чем удивить! Таких умных в России, вообще, навалом. Умных, с образованием, кандидатов и бакалавров, докторов с двумя и тремя образованиями. И есть женщины, у которых образование круче твоего в разы. Например, у меня есть тут подруга, она красивая, умная, стройная, училась где-то на западе, чуть ли не за границей, и чё? Много степеней уже всяких имеет, а она по-прежнему одна! Никому на хрен не нужна! Нет, как раз на хрен для многих

бы сгодились, но, к сожалению, не в качестве жены. Да даже просто любимой. А ты мне тут втираешь, как ты там выразилась... совершенство! Хи-хи! Не могу! Если совершенство, то одно среди тысяч. А нам нужны единственные и неповторимые. Пускай, не сейчас, а под настроение! Так что, пролёт..., госпожа...

Злится. Сучка. Крыть-то нечем!

Но хороша, зараза. Что не отнять, но фигурка у неё отпад, правда, характер... и этот Пупсик! С Котиком я ещё переморщусь, но «пупсик» и «малыш» – это явный перебор, особенно для тех, кто на зоне побывал. Там за такой прикол смело можно рассчитывать на заточку в печень, хотя и дама, конечно, но не конченная же дура! Оперативник, одно хорошо, что не ментовка, хотя... хрен редьки не слаще!

О! Это что-то новое...

Включила на своём айфоне какую-то музыку. Расслабляющую. Шаг к окну, он же выход на балкон.

Шторки прикрыла.

Чего это она удумала?!

Шторы у меня китайские, неплотные. Солнечный свет едва только уменьшился, всё-таки у меня солнечная сторона. Но приглушить, хоть и немного, но удалось.

А это что такое?

Танцы?!!!

Я, ошарашено тарасился, на извивающееся в танце, юное, красивое, стройное, женское тело, причём руки, вот уже по-

тянули куда-то вверх к потолку топик, аккуратно, медленно, постоянно двигаясь...

Вот же, гадина.

Расчёт беспроигрышный. Я тут в позе барина расселся в процессе разговора, даже ногу не закинуть. И живот мешает, да и неудобно. Соратник начал явно реагировать на то, что происходило в комнате. Звуки музыки расслабляют. Извивающиеся движения красивых бёдер девушки настраивают на довольно фривольный лад. А тут ещё и топик долой...

Прикрываться смысла нет. Так и сижу, раздвинув ноги как кобель после пробежки и палатка треугольником в потолок смотрит.

Смеющиеся глаза. Оголённая грудь. Зовущие какие-то профессиональные взгляды заводят своей доступностью, так и кажется – протяни руку и вот...

А что, вот – это ещё бабка надвое сказала. Иваныч ясно дал понять, что девочка – сильный боевик, такая и толчком пальца убить может, только до нужной точки добраться. Как-то сразу легче от таких мыслей становится, но при взгляде на нежно вздымающиеся в танце груди, как-то не особо.

Палатка внизу живота всё растёт и растёт. Как бы и вовсе не оконфузиться. Тут, прямо в штаны, от перевозбуждения можно и вовсе в пустую разрядиться, всё-таки женщины у меня не было уже больше двух месяцев.

Явно ждёт моей реакции. Что начну стесняться, прикроюсь. Или хотя бы ногу на ногу закину. А вот, дудки тебе! Ре-

шила в нашем споре пустить в ход тяжёлую артиллерию? Так я тебе отвечу, я в бункере, и просто наблюдаю за твоей артиллерийской подготовкой и гадаю, а будет ли атака дальше?

А это что?! Руки её опустили на бёдра и пальчики скакнули под резинку шорт.

Ай-я-яй! Что она там творит?! Я всё-таки на воздержании был, а тут такое...

Ё – моё! Меня начинает потихоньку трясти. Ножкой, так легко и грациозно, мне швырнули прямо в лицо, сползшие во время танца с помощью рук, шортики. Не попала, но метилась именно туда. Гадина. Красивая гадина.

Сильное, тренированное тело, изгибалось и наклонялось, демонстрируя мне все тайные места. А что там могут скрывать-то эти стринги, из трёх невзрачных полосок?

Ну и попка! Чёрт, я сейчас не выдержу!

Но только рукам свободу давать боюсь. Может, специально провоцирует, чтобы потом по ним и дать, сильно и профессионально мне их отбить.

Кто её знает, что у неё на уме? Ведь этот стриптиз я точно не заказывал.

Ножки стройные. Сильные, накаченные. Попочка подтянута. И эта дырочка между ногами, когда пытается их свести, около самого главного. Как раз для ладошки...

Животик плоский. Не скажу, что кубики пресса есть, но..

Красива... грудь – размер уверенная трёшка, но видно, что упругая и сосочки темными кружками вверх задорно так

смотрят, а во время поворотов в танце яростно подпрыгивают. Красиво и завораживающе, и ещё очень, очень возбуждающе!

А ведь загар у девочки ровный. Или, и правда солярий, или нудистский пляж где-нибудь в Эмиратах. А что, всё может быть! А может и Гавана тут отметилась.

Сижу, двинуться боюсь. В штанах вот-вот взрыв произойдёт. А танец продолжается, и хищница, постепенно, всё ближе и ближе подходит. Видит моё состояние. Довольная! Вон какая у неё на устах шальная улыбка цветёт!

Больше всего её моя палатка стала волновать. Не раз уже замечаю, как её взгляд на ней останавливается, когда она в танце поворачивается ко мне лицом. Музыка, словно бесконечная, и не заканчивается никак. А как громко может звучать музыка в айфоне все знают.

А потом, ох выдержать бы, в танце как-то уж юрко скакнув мне на колени и усевшись мне на ноги попойкой, стала поливать ею.

Я понял, что не в состоянии выдержать такой пытки. Уж больно дёрнулся сильно.

Поняла красавица, что я на последнем издыхании.

Разворот вокруг своей оси, и тут же так элегантно опускается коленями на пол. А её руки нежно опускаются мне на плечи и также невесомо переходят на грудь, дальше по животу, и...

Ах, ну и пытка!

Палатка сломалась!

Нет, тут не я виноват. Я и вовсе боюсь сдвинуться и руки закинул на спинку дивана. Сажу в позе орла, вот только этот орёл, явно находится перед проведением операции кастрации!

Почему я так решил? Ну не...

Ох, ты ж!

– Чмок! – громко и смачно прошлись по моему вздыбленному естеству, в глубоком поцелуе, яркие накаченные губки. «Лучше бы били!!!» – Подумалось мне.

Штанина семейников отодвинута в сторону, центральный столб бывшей палатки так и торчит красным окончанием строго вверх, а его основание находится в цепкой хватке совсем неслабых, как оказалось, ладоней девушки, а вот вторая её рука...

Ах, ты ж, сука!!!

Не пошевелиться! Не вздохнуть!

Я только сжал зубы от боли, но самое непонятное – боль от зажатых во второй руке твари причиндалов, совсем не влияет на стойкость моего сожителя!

Теперь я понимаю выражение: «когда тебя держат за яйца...»

– Оторвала бы, да нельзя. Просили, чтобы ещё пожил. – между тем, не поднимая на меня глаза, а рассматривая внимательно, находящийся в её руках столб, произнесла задумчиво девица. – В молодости же как? Страсть, гормоны, и "ой,

только не в неё!!!” А вдруг залетит? Жениться, не жениться, но проблем не хочется. А после сорока всё гораздо сложнее. Правда?

Я только и смог, что что-то промычать – я реально начал бояться за свою жизнь. Опять начал...

А эта гадина продолжала дальше прерванный монолог, причём, начиная планомерно, размерено, водить рукой по моему столбу.

Ну и пытка! С одной стороны, кайф невероятный, а вот с другой – боль от её когтей, впившихся железной хваткой в самое для меня дорогое, что осталось у меня в этой жизни.

– Зацепил ты меня, сволочь. Проблемы мои – это мои проблемы, а тут, вроде как, и повеселиться предлагает начальство, но всё на моё усмотрение. У меня свои отношения с боссами. Думала, пошлю нагло и изошрённо. Что я для себя тут, на Дальнем Востоке не найду себе мужика с деньгами и возможность отдохнуть? Знаешь, как не хочется в ведомственном санатории отдыхать?! Ты не представляешь, какая там скукота! Я, и правда, нуждаюсь в отдыхе. Я тебя сразу не убила только потому, что хотела посмотреть на индивидуума, впервые отказавшегося от меня. Ведь Сашок врать не будет, что по мне тебе расклад расписал. Думала, увижу попугая, что исполняет вокруг меня танец брачных самцов племени Кука, но каково же было моё удивление, когда, даже не запустив в квартиру, говорят, что свободна... от тебя отказались!!!

Я стараюсь аккуратненько за ней посматривать. А вид, я вам скажу, и про всякую боль забудешь! Дружок и не думает падать, вот опять движение головой и что-то горячее и влажное проходит по дружку.

Откидываю голову назад, еле сдерживая стон.

Ну и пытка! А хватка-то ещё сильнее сжалась на... ой!

Гадина-а-а-а!

А та, не обращая, кажется, на мои муки, никакого внимания продолжает, как ни в чём не бывало:

– Это убийственная наглость! Вот и решила я глянуть своими глазами на идиота, отказавшегося от такого «Счастья», как я. Причём, отказался-то добровольно! – обидно, знаешь ли. Даже на спор пришлось об заклад побиться с твоим сведником. Но спор наш тебя не касается, хотя и касается, и я проигрывать его не собираюсь. Думала, конечно, что тут крутой мачо. О тебе информации ноль, но раз тобой занимается и лично за тебя просит Сашок, то значит, ты не пустышка и что-то в тебе есть. И каково же моё разочарование, когда в створке межкомнатной двери вид толстого недоразумения, да ещё недоразумения с амбициями. Так что, пупсик...

Я дёрнулся, но резкая боль в районе паха, заставила меня только поскрежетать зубами...

– Ладно, помню, тогда – котик... забыли про пупсика... хотя, какой к чертям, пупсик. Тут целый пупуак, судя по запасам на чёрный день. Апокалипсис ждёшь, что ли, такое объёмный бочонок наел?

– Это комок нервов! – прохрипел я, молчать уже было не под силу, даже опасение за мои причиндалы не помогли.

– Нервы – это плохо, – качнула головой мадам. Вновь прошлась шаловливым язычком по самому дорогому, на этот раз удержать стон не удалось. Уплываю, сука...

Довольный хмык. Понимает в каком я состоянии, и очень похоже, что её сама такое положение вещей заводит, но разговор продолжается:

– Нервы будем лечить и у меня есть рецепт, но к рецепту придётся и лечащий врач. Глянула я тут, пока ты спал. Со слов Сани, ты вроде как, не конченный мудак. Ладно, не мудак, допустим. Хороший мужик, можно присмотреться, пускай и для временных отношений. Вряд ли случится так, что мы опять с тобой свидимся. А если такое и произойдёт, то тебе очень рекомендуется сделать вид, что ты меня никогда и нигде не видел. Так к сведению... И что же я тут обнаружила, спрашивается? Обычно, когда затягивают тебя всякие к себе на квартиру, ты уже с порога начинаешь палить всякие признаки женского проживания на данной территории. Даже если мужик думает, что его бывшая всё вывезла, включая даже магнитики с холодильника – он ошибается. По-любому, в ванной будут валяться ватные диски, закатившиеся под стиральную машинку карандаши, а на кухне непременно найдётся кружка с надписью "Мой самец Вова!" И ты такая: Ага, с бабой недавно расплевался. С одной стороны, это хорошо, с другой – геморройный мужик. Баба щас посидит-по-

сидит, пятницы дождётся, набухается, начнёт названивать и рыдать: "Вова, я в говнооооо, забери меня отсюдаааааа!" – и Вова сорвётся же забирать, потому что чувства ещё не остыли и всё такое. Ну и кружка, опять же, но у тебя вообще ноль. Подумала было, что ты из этих, но Сашка бы такую подлянку мне точно не подстроил. Хотя, он ещё тот шутник. Баб у тебя не было, во всяком случае, в квартире, весьма давно. Может, конечно, ты в гостях отрываешься... всё возможно...

Поднимает взгляд на меня. Видок я вам скажу.

Ухмыляется и так, не отводя взгляда, делает реальный за-
глот.

Ох, тыжжж!

Чувствую, ещё немного и всё... пытка окончится, во всяком случае, приятная её часть. Когти так и не убраны, и я надёжно зафиксирован на диване. Про позу орла я говорил, и вот теперь, похоже, что этого крылатого собираются ошипывать.

А между тем, вновь у моей необычной собеседницы освободился рот и наша односторонняя беседа продолжилась:

– Что ещё можно спалить на раз-два? Гору носков под креслом. Значит, привык, что это всё обычно выгребают баба, ругается и стирает. Несамостоятельный мужик. Сраный прям, вот даже, мужик-то. Ненадёжный. Но, на удивление, в квартире более-менее чисто. И гор грязного белья нет, да и сам не вонюч, а значит, хоть немного, за собой присматриваешь. А ещё, если повезёт, можно найти место, где у му-

жика лежат лекарства. Потому что лекарства есть у каждого мужика. И ладно, если это анальгин какой, или аспирин. А то, бывает, там такая аптечка, что аж зависишь как Пентиум один: и от поноса, и от запора, и Виагра, и трихопол с нистатином, и мазь от лишаёв, и свечи от геморроя, и валидола ведро. И всё с ним сразу понятно: желудок слабый, сердечко тоже, про остальное вообще страшно и думать уже. И не стоит, и больное всё. Плюс геморрой и лишай под вопросом. Вот как с таким отношения заводить? А никак! Надо валить отсюда под любым предлогом! Кроме предлога: "Что-то у меня голова болит". Этот аптекарь тебя тут же накормит всеми своими валидолами-пирамидами, которых у него воз и тележка. Так что, врать нужно про убежавшее молоко и уют. В твоём же случае, всё-таки аптечка была обнаружена. Обрадовало только одно, несмотря на солидный её объём, что средств от лишаёв и виагры я там не обнаружила. Ну и сейчас, при более плотном контакте убедилась, что кожа чистая и аппарат исправен. Но всё остальное...

Опять это взгляд с упрёком. Но руки продолжают своё дело, а вот и губки приложились!

Ну и ситуация! Никогда мне ещё в таком положении нотации и нравоучения не читали. Но, если честно сказать, то что-то в этом есть!

– К чему я всё это тебе сейчас говорю? Во-первых, тебе уже "не шешнадцать, да и мне тоже, и ты не первый у меня", а значит, я и не должна кобениться месяц. Ну, чтоб ти-

па не думал, что я лёгкая добыча какая-то. Нет, цветов-подарков в принципе не надо, но всё равно, надо. И никуда ты от этого не денешься. Если ты не мудака. Рестораны, фото-биеннале, выставки Ван Гога, разговоры о поэзии Серебряного века и об Акуnine. Кто-то мне обещал духовное богатство. Так я точно не откажусь, как и обещала. У тебя есть шанс отказаться от такого счастья. Я проиграю спор и опять ещё сильнее ухудшу отношения с начальством, чего бы мне совсем не хотелось делать. Твой размер мне подойдёт. Не скажу, что гигант, но для хорошего секса сойдёт. Зачем мне это надо? Всё просто – зацепил... в противном случае, даже Санёк ничего сделать бы не смог, а мне ему отказать в таких мелочах сложно, поверь, у нас с ним особые отношения, мы друг друга уважаем, и бывало – выручали друг друга... и при этом не являемся любовниками, хотя мой стриптиз ему очень нравится. Я отдыхаю, ты отдыхаешь и лечишься. Я лично занимаюсь тобой. Я не хочу, чтобы ты бесцельно когда-нибудь прикупил себе всякие тренажёры и через неделю узнал, зачем на самом деле в мире они нужны. Благодаря им, владелец может прослыть романтиком и добряком, которому не жаль ста долларов на теоретическую борьбу с хаосом. И который верит в лучшее, вопреки всему, что знает о себе. Также, на тренажер удобно вешать пижаму. Тут велосипедный полезней гребного, на который даже ведро не поставишь. В рейтинге ненужных домашних устройств тренажёры на твердом первом месте. Без них сам рейтинг не имел

бы смысла. А я уверена, ты об этом даже не догадываешься. Два месяца и я, будь уверен, настрою тебя, чтобы ты и после нашего расставания, которое неизбежно и будет навсегда, не престал физически самосовершенствоваться. Ты себя запустил, а вместе с ним и здоровье. Ты можешь отказаться, но понимаешь, – вновь её голова сделала несколько движений вверх вниз, причем громкие чмоки при этом, разносились по всей квартире...

А я уже был близок к полёту...

Вот же, а ведь вроде и не столь сильно-то и коготочки этой кошечки стали давить мне на мою драгоценность.

О, вроде опять сейчас беседа продолжится, во всяком случае, только ладони сейчас делом заняты, причём, очень важным делом.

– Девушки, во время минета, очень часто испытывают рвотные рефлекс, а также сводит в судорогах челюсть, и она... может... Куда?!

Я впечатлительный! Даже очень, а тут такие подробности и главное, во время чего такое говорят!

Опять усилено давление на наши... «ценности», и соратник готов вырваться на свободу...

Дышать становится сложно. Участилось чё-то...

Вновь отпускают, восстановив статус-кво.

– А потому, отказываться не советую. В тебя чего-то вцепился Александр, а зная его, это очень опасно. Неправильный шаг в сторону – и ты труп. Я присмотрю, чтобы ты не

делал лишних движений, к тому же, попросили. Деньги, вроде, у тебя есть, значит, будет весело. Уж чего-чего, а веселье я устроить смогу. Я тебе на два месяца верная жена. Как там Трофим в своей песне поёт: «днём, как верная жена, а по ночам, как распоясавшаяся ведьма». У меня нет привычки, прыгать по постелям. Знаю, как это близким неприятно, а потому, даже в сторону не смотри – устрою настоящий скандал с битьём... и поверь, совсем не посуды! Где тебе ещё такую любовницу найти, а мне не надо голову ломать, где папка искать! Бывает, на таких уродах попадаешь, что и до смертоубийства дойти можно! Мы образуем, такой своеобразный симбиоз... ты нужен мне, я нужна тебе. Живём, веселимся, единственно, влюбляться в меня не советую – продолжения не будет. Наша встреча случайна, хотя и может продлиться все два месяца. Ты пока подумай, а потом жду твоего...

Чего там она ждёт, я так и не успел узнать, её рот уже был занят. А я...

А я...

А я просто затрясся в конвульсиях, радуясь при этом, что мои яй... короче причиндалы, нежно поглаживают и жамкают, не причиняя боли.

Вот и всё...

И я разряжаюсь всей силой, нерастраченных за последние месяцы запасов, и сквозь стоны наслаждения рычу...

– Да-а-а-а-а!

Сказать, что я очумел от восторга, это ничего не сказать, но вот только прагматичный вопрос откуда-то снизу, вернул мои восторженные мысли на весьма деловой лад, хотя я чувствовал, что моего уже поникшего дружка всё так и держат в сильных объятиях.

– Вижу, что понравилось. Но мне – не очень. Не вкусный ты. Если хочешь ежедневный подобный массаж, то придётся есть все эти два месяца ананасы, причём не в консервированном виде. Но, думаю, это устроим, но вначале заключим договор. Серьёзный договор. Во-первых, о том, что сейчас произошло между нами твой Василий Иванович узнать не должен, как бы он тебя ни пытал. Выкручивайся, как хочешь.

Я поднял, откинутую назад от наслаждения, голову, посмотрел на совершенно спокойно сидящую у меня между коленями красотку, и столь же удивлённо спросил:

– А если он просто догадается?

На что получил столь же простой ответ.

– Что он там себе надумает – это одно, а вот иметь доказательства преступления – это совсем другое. А потому просто промолчи, или можешь говорить, что без комментариев. Хотя, думаю, это тогда тебя мало спасёт. Но ты меня услышал. Если проговоришься, договор тут же аннулируется, и ты в моём лице получишь врага. А своих врагов я привыкла

уничтожать.

Да что же это делается-то? То от одного посещения едва выжил, в мыслях столько раз с жизнью прощаясь. Теперь вот опять угрозы, и что-то мне говорит, что эти угрозы в разы опасней угроз от того же Иваныча, а потому, просто обескураживающе киваю.

– Уяснил? Молодец. Теперь по остальному. Так, – рядом раздалось какое-то бряканье. Девушка взяла в руку телефон. – О, вот и Сашок объявился с моим заказом. Что, же. Я одеваться и вниз. У тебя есть час, чтобы собрать свои шмотки. В санаторий убываем сегодня. И не спорь. И вообще, тебе противопоказано со мной спорить. Потерпишь пару месяцев. За твоё терпение, сегодняшней сеанс будет повторяться по несколько раз в сутки, если сам не взвоешь и не попросишь пощады. По поводу договора. Я командую, ты соглашаешься. Я тебя прикрываю от возможных неурядиц. Увы, но с твоим видом и моими данными, если учесть, где нас с тобой будет носить, проблемы у нас будут. Это я тебе обещаю и обещаю, что сама их и улажу, ты главное постоянно держи, этакое безразличное выражение на лице. Типа, чего надо? А с остальным я сама разберусь. Я тебе верная жена, ты же, по возможности, оплачиваешь мои желания. Обещаю, что они не будут чрезмерными. Я же ещё и твоим здоровьем беспокоюсь. С этим всё уладим, не беспокойся. С врачами договорюсь, тем более, у Саши есть рычаги управления начальником санатория. «У всех есть кнопка Гури». Помнишь

«Электроника», вот и тут так же. Всё, я – вниз. Мне собраться, что подпоясаться – только сумочку прихвачу. – потом посмотрела на меня и, вытянув в мою сторону руку с направленным указательным пальчиком... – всего час. Не затягивай. – Потом прошлась взглядом по моей застывшей фигуре, с так и вернувшимися в исходное положение семейниками... – нам бы ещё тут, в Уссурийске, по магазинам пройтись, закупиться. Вот, не уверена, что ты готов к отдыху. А закупиться придётся, и мне тоже кое-что, а потому час!

Когда, спрашивается, топик успел вернуться на положенное ему место, непонятно! Вот же, умеет внимание к себе приковать. Взмах ручкой и только щелчок замка известил меня, что наконец-то я оказался у себя дома один. Хотя, это ещё вопрос, у себя ли? По документам, правда, я тут хозяин, наверное, ведь там только аренда указана.

А ведь интересно, куда это она так быстро намылилась? Дверь на балкон открыть – одно мгновение, тем более, он у меня выходит прямо над подъездом. А там, аккуратно, чтобы не заметили, не дай бог, посмотрим, чего же это там она у своего Сашка, он же Иваныч, заказала.

Тихо, аккуратно, на трясущихся после всего произошедшего ногах, делаю пару шагов до балкона. Щелкает тихо щеколда, и без скрипа дверца уходит в сторону.

Пригибаемся, и словно разведчик на территории противника, аккуратно выходим на балкон.

Весна... ранняя. Всё-таки март, вернее, конец марта на

дворе. Солнышко пригревает совсем по-летнему. На термометре, вон на солнце почти двадцать пять. Но эти двадцать пять по Цельсию, весьма обманчивые. И ветерок всё-таки холодный.

Так, выглядываем, и что мы видим?

Ого! Довольный Иваныч, стоя, курит у Крузака, чёрного, вроде двухсотого, и притом, нового, но с номерами.

Вот это подгон!!! Вот уверен, что именно и просила эта краля у него, поменять ей машину. Или просто подогнуть для наших совместных развлекух что-нибудь приличное...

О, вот и красавица выпорхнула из подъезда. Двери только жалобно стукнули, видно с ними не очень то и бережно обошлись.

Что-то весело болтает плутовка, вот только видно, как удивлённо у Иваныча вздымаются вверх брови. А потом начался какой-то спор, притом видно, что девица, наседает на моего куратора, а тот как-то уж слишком рьяно защищается. С такой высоты не разобрать, о чем они спорят, но потом...

Я не поверил. Такого я точно не ожидал.

Иваныч, обречённо как-то уж, поник головой и руки по швам прижал, а довольная ведьма..., бля только бы, чтобы это было не из-за меня, иначе Чапай меня кончит...

Кто служил во времена Советского Союза срочную, знает, что такое «чилиим» или «шапала» по-другому.

Средним пальцем делается щелбан. Только это щелбан получается, настоящим щелбанищем. А я-то и вовсе услы-

шал, как звонко отозвался, видно совсем пустой котелок у Иванаыча на удар каменного пальчика девочки, раз он согласился спорить с этой оторвой, да ещё на такое!

Быстро нагибаюсь и всё так же, крадучись, сбегаю в комнату.

Всё, сейчас разборки начнутся, а потому прыгаем-ка мы в туалет, а там и в ванне поплескаемся, и, прикрываясь закрытой дверью, постараемся выдержать первое праведное возмущение Чапая. Ведь понятно, на что эти два ненормальных спорили...

Успел.

Как это Иванаыч так быстро на пятый этаж поднялся? И вот уже с порога орёт:

– Ты где? Выходи!

Явно и не пытается сдерживаться, и я, типа, удивлённо отвечаю:

– Чего кричишь, Иванаыч. Я в ванной. Девушка сказала, что у нас всего час, и я должен подготовиться и помыться. Всё-таки спал. А ты, всё-таки, зараза, Иванаыч... – перешёл я в наступление, помня, что еще Суворов говорил, что именно оно, первое средство защиты.

Видно, попал я в точку. Сбил с напора Чапая.

– С чего это, я – зараза? Ты мне что говорил? Что ну её нахрен, а тут я узнаю, что вы уже вместе через час во Владик мотнуться собрались, и даже попросила позвонить, чтобы начальник вас дождался.

Молчать нельзя.

– Так я проснулся, дома тихо. Ну, я в одних, почти носках, и пошёл в туалет, на ходу в мудях почёсывая. Открываю дверь в зал, а там... красавица писаная, что сразу мне, чуть ли не на шею кидается и кричит, что просто мечтает стать мне верной женой... на эти два месяца. Я же тебя просил – спровадить от меня, а тут такое... Сам подумай, и как бы я отказался, тем более ты сам меня напугал, что она бешеная и ещё и боевик, каких поискать. У меня и шанса не было отказать, тем более, ты меня с ней намеренно один на один оставил. Я тут теперь под душем весь испуг смываю, и штаны стираю, – со вздохом я принялся мочить семейники под струями душа. Обманывать, даже в мелочах, куратора весьма опасно.

Ничего, обмотаюсь полотенцем и в таком виде и выйду к нему, а ведь точный расчёт. Вроде, Чапай успокоился!

На душ и остальные водные процедуры у меня ушло не меньше получаса. Как и планировал, в одном полотенце из санузла вышел под насмешливый взгляд Иваныча. Тот, окинув мой, весьма непрезентабельный, вид и только рукой махнул. Понятно, вопросов в его допросе больше не будет.

– Давай, одевайся по-быстрому и поговорим, пока эта ненормальная не появилась.

Уговаривать меня не надо, знаю, что по краю в этот раз прошёлся, видно, слишком обидный «щелбан» был для куратора. Но это их дела, а для меня важно другое: меньше

знаешь – крепче спишь, и это правильно!

Джинсы. Майка, пуловер. Носки чистые. И вновь, эта ухмылка на лице куратора.

– Невзрачно выглядишь. Невзрачно одеваешься, невзрачно живёшь. Не скучно?

Я уже начинаю злиться...

– Не я это начал. А до этого, я обычно весьма весело и главное, счастливо, жил. Вот только кто-то мне всё порушил, а потому, давай без нотаций, а то дождёшься, что пошлю, и это никому, ни мне, ни тебе, я думаю, не надо. Если есть о чём-то, предупреди, проинструктируй, а вот от нравоучений избавь. У меня сегодня далеко не то настроение.

Чапай, только головой покачал на мою тираду. Согласен, видно.

– Ладно, проехали. Но давай вернёмся к нашим, так сказать, баранам. У тебя два месяца на отдых под моим контролем. Посмотрим, как себя вести будешь. Но думаю, что хорошо. Повезло, что девочка подвернулась. Я не верю, что специально её к тебе с помощью меня подвели, не того ты полёта птица. Просто, реально, так сложились звёзды. Но не знаю, как эту удачу воспринимать. Уж больно проблемная дама. Но не отнять – умеет свои проблемы с лёгкостью решать. В общем, скучать тебе не придётся. Веселись, радуйся, считай это маленькой компенсацией за доставленные неудобства... пять лет назад. На счёт наших сегодняшних договорённостей всё в силе, и даже лучше. Руководство прониклось, и

это..., тут такие дела. С деньгами немного неточно информацию скинули. Оказывается, были и единовременные выплаты, причём существенные. Тут и французы отметились и немцы и даже из Ирана благодарность, в виде пачки долларов. Короче, подсчитывают. Неприятная ситуация. Но у нас денег таких нет. Нет, те, что были, то тебе скинули. Потому меня попросили урегулировать с тобой эту проблему. Давай так, я все работы и потраченные материальные средства возьму на контроль, а когда через два месяца с тобой опять столкнёмся, я всё тебе по полочкам разложу. Обещаю, не пожалеешь. Ты нас выручаешь, мы к тебе более лояльно отнесёмся. Кто знает, как дальше у тебя жизнь сложится. По оружию и документам к нему, вообще проблем не будет, главное договориться. Ну не можем мы тебе устроить отравление или ДТП, слишком много к тебе ненужного внимания на самом верху. А так, устранили бы и все дела. Про выражение любимое, приписываемое Сталину, я тебе уже говорил, так что решай! А мы уже со своей стороны постараемся и тебя удивить. Поверь. Есть чем...

Я усмехнулся.

– И опять тем, что вам не будет стоять и цента.

– Вот тут, ты абсолютно прав, но цена от этого на наши услуги и поставляемый товар, поверь, уж точно не снизится. Фирма гарантирует. Сейчас, на данный момент, есть какие-нибудь пожелания? С транспортом решил на два месяца и уже вас я им обеспечил. Номера серьёзные и их знают,

особенно в определённых кругах. Всё, проблем меньше. А с такой дамой они у вас обязательно будут. Умеет она себе на задницу приключения искать. Ну что, подумал?

Я прикинул и так и этак. Я тут, вроде, просто по течению плыть начал. И тем более, такие попутчики объявились. То, что девчонка не подстава – понятно. Да и куратор врать не будет, видно, что и сам поражён таким оборотом и тем, что мне, вроде как, удалось уболтать её на такую роль, причём играть её придётся ей по-настоящему.

А вот мысль-то у меня появилась интересная...

– Иваныч, слушай... – я посмотрел на куратора. Интересно, как он отнесётся к этой моей идее. – ведь оружие ты мне подгонишь, как обещал, а вот тренироваться в стрельбе то и негде. У тебя, случаем, нет места, где можно за умеренную плату, с боевым оружием потренироваться, причём с инструктором?

Тот только покачал головой, удивляясь моим хотелкам.

Немного подумал, а потом...

– В Артёме есть у Росгвардии центр подготовки. С командиром я знаком шапочно. Вредный мужик, но профи, не отнять. Но есть к кому обратиться. Пока ничего обещать не берусь. Постараюсь решить. Но предупреждаю: ребята боевые и подход к ним военный.

Я усмехнулся...

– Не вопрос. Каждое занятие стол и боеприпасы, что потратим оплачу. Куда деньги пойдут меня не волнует. Так

пойдёт?

Куратор только радостно оскалился в улыбке голодного дракона.

– Вариант отличный. Да и аргумент хороший, чтобы убедить нарушить служебные инструкции, а на счет инструктора, тоже не парься. У тебя под боком инструктор есть. Вернее, будет. Ну, раз больше желаний у тебя пока нет, то давай, иди собирайся. Зная нашу даму, она себе в серьёзных делах опаздывать не позволяет. И осторожней, не влюбись... продолжения не будет, сам же говорил, что одни страдания, – потом посмотрел мне в глаза – зато, прикинь, какие воспоминания на всю оставшуюся жизнь!

Воспоминания...

Лучше бы он промолчал...

После секса мне всегда тянет есть, а тут ведь ещё и поспал...

Яичницу что ли забавать...

Яичница!!!

М-да... едва её сегодня и не получил в прямом и переносном смысле.

А вот тогда...

* * *

Хорошо, что есть на свете

Это счастье – путь домой

Мы приехали в Моздок и в первом же попавшемся кафе «Дорожное» мы осуществили свои кулинарные мечты.

Первым зашел Серега:

– ЯИЧНИЦУ!

Вторым я:

– ДВОЙНУЮ ЯИЧНИЦУ!!

Последним зашел Максим. Молчит.

– Макс, ты что, не будешь ЯИЧНИЦУ?!

– Шеф, я буду ТРОЙНУЮ ЯИЧНИЦУ!!!

– Тройных нет, только двойные!

– Тогда ДВЕ ДВОЙНЫХ ЯИЧНИЦ!!!

Долго, правда, расслаживаться не стали, машины поставили на стоянку перед штабом ОГВ, тогда это был уже полноценный военный городок и я пошел в отдел связи. Пропуск заказали на меня одного, все остались на стоянке с машинами. Капитан из отдела связи выдал мне бланки наградных листов и стали обсуждать, кого к какой награде представлять. В результате меня решили представить к Ордену Мужества, а Пуляева, Калашникова и Мальшева к медали «За отвагу». Капитан очень долго рассказывал мне, какая это по нынешним временам крутая награда Орден Мужества. Круче только Герой России, но дают его в основном посмертно. Я сказал, что мне такой Герой не нужен, а приказ генерала Ляскало о представлении к Ордену Муже-

ства надо выполнять. Если он меня спросит «Где представление?» я что ему отвечу? Что капитан из отдела связи сказал, что это крутая награда и тебе не положена? Можешь зайти к нему и сам озвучить данную версию. Капитан понял, что на такой подвиг он не способен.

Я вернулся на стоянку. Серега с Максом поддатые, солдатики тоже подшофе, но не сильно. Я начал воспитательный процесс с офицеров:

– Серега, Макс, вы какого хрена нажрались?!

– Шеф, мы выпили почти чуть-чуть!

– И поэтому лыка не вяжете?! Где вы умудрились водку найти?! Здесь же ни магазина, ни ларька, ни палатки нет! Или вы куда-то ездили?! НА НАШИХ МАШИНАХ?!

– Шеф, никто никуда не ездил! Видишь, фуры дальнобойщиков стоят?

– Вижу, ну и что?

– Водила своего сына нашел – живого! Из всей роты осталось в живых 9 человек. Его сын-один из 9 выживших. А как выжили? Их БМП сломалась при въезде в Грозный и осталась ждать техзамыкание. А вся остальная рота пошла дальше и там вся и осталась. Сожгли все БМП и расстреливали наших толстолобиков, как в тире.

Шеф, он достал из фуры 2 ящика водки и всем, кого видел – всем наливал. Ну и мы попались ему на глаза.

– Ладно, а кто солдатам наливал?!

– Да им вообще все наливали! И еды дали столько, сколь-

ко мы в Грозном за неделю съедали!

– Ладно, я все понял. Пошли в Р-142, наградные заполнять будем.

Наградные заполняли довольно долго, опыта никакого нет. Так, вольные сочинения на тему, какие мы хорошие. Я искренне надеялся, что наградные с отметкой ОГВ Моздока будут рассматриваться в Москве более лояльно, чем обычные. Наивный чукотский мальчик! Наша бюрократия непобедима! Все наградные листы с отметкой ОГВ и визой Ляскало вернулись в отдел кадров бригады! Там их переоформили по-новому и запустили обычным порядком. Тут я окончательно понял, что ордена мне не видать, как своих ушей. Так и вышло. Летом пришли награды. Пацанам – «За отвагу», а мне медаль Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Если бы знал, лучше бы себе тоже «За отвагу» написал представление. Зато доблестный Соломахин получил-таки Орден Мужества!

И тут подкатывает Малой.

– Товарищ капитан, а мы сейчас куда поедем?

– Пока никуда, до завтра здесь будем. Надо все до ума довести с наградными листами, потом поедем.

– Товарищ капитан, а давайте ко мне домой заедем? Здесь всего 60 км до моего дома!

– Малой, я не против, но бензин с тебя. У нас чек-требования нет, а денег на заправку этих агрегатов надо до х... Ну, в общем очень много. И завтра днем мне надо быть

здесь.

– Товарищ капитан, бензин – не вопрос! Зальем под пробку все машины! Завтра на легковой вас привезут и отвезут обратно.

Поехали мы к Малому. Ехали часа два, если мне память не изменяет. Приехали уже в сумерках. Подъезжаем к дому – дома никого. Малой аж охренел! Соседи подсказали, что все гуляют на дне рождения на другом конце села. Малой сел с Пухом в Р-142 и поехал туда. Ждем полчаса, час – нету никого. И тут подкатывает наша ласточка. Я вообще считал, что в кунге в отсеке радиста может разместиться 2–3 человека, в заднем отсеке – до 10 человек. Но когда из машины вылезло 23 человека вместе с сумками с выпивкой и закуской, я охренел! День рождения переместился к Малому в дом, да еще набежали друзья-знакомые-соседи-родственники... Дальнейшее помню смутно. Мы тоже решили оторваться.

Проснулся я где-то в 11 часов. Состояние плачевное, но похмеляться не стал – мне в Моздок ехать. Дали мне машину с водителем, съездил в Моздок, решил все проблемы на текущий момент и поехал обратно. Следующий день я объявил выходным, а послезавтра – убытие в бригаду.

Эти три дня запомнились мне как один сплошной тост. За моё здоровье. Мне стыдно, но такого количества здравниц за три дня даже Леонид Ильич не слышал. А что я мог сказать или сделать? Пытался мычать, что что это не

только моя заслуга, что остальные тоже участвовали... Но меня просто не слышали... И продолжали наливать за моё здоровье.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончились и три дня отпуска у Малого. Его я оставил дома на 10 дней под честное слово отца, что он его через 10 дней привезет в часть. Отцу оставили цинк патронов 5,45мм – он охотник и поклялся, что продавать их не будет. Оставили прицеп с волговским движком 8кВт – для продажи. Его мы утянули в Толстой-Юрте у 8АК, сказав, что это наши прицеп. У нас такой действительно был, но мы оставили его в Кизляре. Собрались ехать – подходит Кабардёнок.

– Товарищ капитан, а давайте ко мне домой заедем? Я тут рядом живу.

– Да вы что, совсем ох...ли?! Я что, теперь всех по домам развозить буду?!

– Товарищ капитан, большие никого рядом живущего нет! Я бензин заправлю, все сделаю!

– Ну что, товарищи офицеры? Каковы ваши предложения?

– Шеф, поехали! Когда он еще домой попадет, если в часть вернется? Пока отпуск оформит, пока то да сё. А не дай Бог, залетит ещё на чем-нибудь! Отпуск тогда точно отложится на хрен знает какое время. Поехали!

Утром проводить нас пришло очень много народа. Бойцы протрезвели, помылись, побрились, стали похожи на сол-

дат регулярной армии. В Грозном мы большие походили на банду боевиков, чем на солдат. Родители Малого вынесли на бампер ЗиЛа водку, закуску, компот, молоко... Колян, увидев молоко, всосал одним махом больше литра. Мы тронулись в путь. Я впереди на Р-142 с Пухом за рулем, следом Колян за рулем, Макс и Серега в кабине. Кабардёнка решили пустить в кабину, чтобы дорогу показывал, уже рядом с его домом. Едем, Пух тормозит и прижимается вправо.

– Пух, что случилось?

– ЗиЛ встал, Коля в кусты поскакал.

После третьей остановки я пропустил ЗиЛ вперед и шел вторым. Колян исправно скакал по кустам каждые полчасика. Один раз наблюдал картину, которую помню до сих пор. ЗиЛ тормозит, останавливается. Из кабины выскакивает Коля и бежит на обочину, расстегивая штаны на бегу. Кусты вдоль дороги были где-то по колено. Коля бежит, перепрыгивает через кусты, в прыжке сдергивает штаны и приземляется на корточки за кустами уже с голой ж...й. Такого никто из нас раньше не видел! Коле стали давать советы, как можно ускорить процесс. Он чуть не плакал:

– Товарищ капитан, я уже не могу! Очко горит! Долбаное молоко!

Долго ли, коротко ли ехали мы, но доехали до дома Хашкуловых. Мать чуть с ума не сошла от радости! Отец был на работе, послали гонца, тоже примчался. И началось...

Мы сидели в летней кухне. По центру напротив входа –

стол с бутылкой водки и стаканом. Справа стоял стол, за которым сидел отец и его друзья-родственники-знакомые, а слева – стол, за которым сидели мы. Вошедший первым делом налил себе стакан водки, выпивал, закусывал, и только потом шел здороваться с отцом, а после с нами. Оказалось, что у мусульман в это время был пост – ураза. Я не знаю, прогневался ли на меня Аллах, за то, что я всему аулу уразу похерил, или порадовался, что толстолобика живым привез домой. Но ураза в ауле накрылась медным тазом. Мы с пацанами посидели за столом, съели что-то из закусок, пить уже не могли – трехдневный праздник у Малого не прошел даром. Посидев для приличия пару часов, мы начали собираться домой. Как нас упрашивали остаться! Но мы уже ничего не хотели – ни есть, ни пить, ни гулять – хотели домой. Хашкулова тоже решили оставить дома на 10 суток под честное слово отца. Здесь я волновался ещё меньше, чем за Малого. Комбриг тоже был кабардинец, а отец Хашкулова занимал какой-то значимый пост в Кабарде. Так что я знал, что они договорятся, если что.

Пока шатались во дворе в ожидании заправки бензина, подходит какой-то хмырь и шепотом спрашивает:

– Автомат есть?

– Конечно есть!

– Продай!

– Дорого стоит!

Ходил вокруг меня минут двадцать. Подходит:

– Сколько стоит?

– Пятнадцать лет...

В конце концов, мы выехали домой. Бензин Серега с Максимом покупали за свои деньги в конце пути – не хватило. Переночевали мы в ногайской степи в районе Кизляра, постреляли по банкам, позавтракали и поехали домой. Приехали где-то в обед. Машины поставили перед боксами, пошел в штаб. Комбриг встретил у дверей своего кабинета, обнял меня:

– Ты назначен начальником связи бригады! Максим принимает у тебя роту! Давай разгружайся, сдавай оружие, завтра с утра на развод.

А машины уже шмонал начальник штаба подполковник Жиров. Увидев РПГ-18, валяющийся в кунге, он схватил его в руки и больше не выпускал. А увидев полтора цинка патронов 5,45мм, он чуть не впал в экстаз. Оказалось, что в карауле в третьем городке пролюбили цинк патронов 5,45мм – резерв караула. И тут я привожу цинк НЕУЧТЕННЫХ патронов! Все проблемы решены! Сдав оружие в роту, вся моя рота (офицеры и прапорщики), Вадим – начальник связи, Арсен – техник узла связи рванули с нами В БАНЮ! Я сказал, что пока не схожу в баню, стрижься и бриться не буду. Ввалившись в сауну толпой 15 человек с двумя ящиками пива, мы закатили ПИР ГОРОЙ. Длилось это часа четыре, потом начали расползаться по домам. Я пошел к Лосю в гости, там и заночевал. Там и побрился утром, а стрижься – я уже не помню, где.

Я оформил себе отпуск, получил деньги. Боевые тогда не платили – заплатили двойной оклад и тройные полевые. И поехал в отпуск к жене и теще. Посоветовавшись с женой, решил пока не увольняться из армии. Идти особо некуда было, у ВВ такая же служба, иногда еще веселей, в милицию не хочу, в охрану – не пойду. Решили служить дальше и поступать в академию. Теперь при наличии майорской должности это было реально. Жена в положении осталась дома, а я вернулся в бригаду. Начиналась новая, мирная жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.